

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»

ШКОЛА ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Департамент истории и археологии

Кулинич Анна Сергеевна

Сельское хозяйство Приморья в годы нэпа: проблемы историографии и истории

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

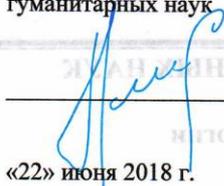
по образовательной программе подготовки магистров
по направлению 46.04.01 «История»

«История российского Дальнего Востока и историографические аспекты её
изучения»

**г. Владивосток
2018**

«В материалах данной выпускной квалификационной работы не содержатся сведения, составляющие государственную тайну, и сведения, подлежащие экспортному контролю».

Директор Школы искусств и гуманитарных наук

Ф.Е. Ажимов

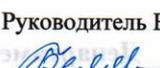
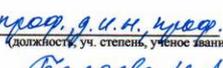
«22» июня 2018 г.

Автор работы (подпись)

«19» июня 2018 г.

Консультант

(подпись) (ФИО)
« _____ » _____ 20__ г.

Руководитель ВКР
(должность, уч. степень, ученое звание)

(подпись) (ФИО)

«19» июня 2018 г.

Назначен рецензент _____
(уч. степень, ученое звание)

(фамилия, имя, отчество)

Назначен рецензент _____
(уч. степень, ученое звание)

(фамилия, имя, отчество)

«Допустить к защите»

Защищена в ГЭК с оценкой _____

Директор департамента

(уч. степень, ученое звание)

Секретарь ГЭК

подпись _____ И.О.Фамилия _____

« _____ » _____ 20__ г.

(подпись) (и. о. фамилия)

«20» июля 2018 г.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Проблемы развития сельского хозяйства Приморья	12
в исторических исследованиях XX –начала XXI вв.....	12
1.1 Изучение проблем развития сельского хозяйства Приморья в советской историографии	13
1.2. Постсоветский период историографии сельского хозяйства Приморья	22
Глава 2. Особенности применения принципов нэпа к аграрному сектору Приморья	37
2.1. Основные факторы аграрного производства в Приморье в 20-е годы XX века	37
2.2 Налоги как инструмент государственного регулирования Приморской деревни	61
2.3 Изменения в структуре сельскохозяйственных культур за годы нэпа ..	77
Заключение	97
Список использованных источников и литературы.....	100
Приложение 1	112

Введение

С возрастанием роли свободной предпринимательской деятельности, поиска новых форм хозяйствования и систем экономического регулирования, особенно в условия создания на территории края ТОРов, в основе функционирования которых положен о масштабное отказ от системы государственного регулирования экономики, выявляется необходимость более глубокого изучения вопросов развития сельского хозяйства и мер государственного регулирования на региональном уровне, что обуславливает актуальность исследуемой темы. Изучение сельского хозяйства Приморья является одним из источников воссоздания объективной истории 1920-х годов, осмысления этого сложнейшего периода нашего прошлого. Не зная общих закономерностей и особенностей развития сельского хозяйства в условиях нэпа на Дальнем Востоке и в Приморье, в частности, невозможно дать правильную оценку тем преобразованиям, которые относятся к последующим десятилетиям советской власти и оказывают влияние на современную ситуацию в данной области экономики.

Степень реализации объективных возможностей развития товарности технических культур сельского хозяйства, заложенных в природных условиях края, – еще одна сторона научного интереса и исследовательской значимости темы. Сегодня все еще недостаточно изучены аспекты рыночного развития, связанные со спецификой дальневосточных территорий, заключавшейся в том, что Дальний Восток – это колонизируемый регион, аграрное развитие которого до революции, с одной стороны, определялось протекционистскими мерами правительства, с другой, – вследствие географического положения, естественным образом зависело от ситуации на рынках ближайших азиатских соседей.

Хронологические рамки работы: 1922—1929 гг. Начальная хронологическая грань избранного для исследования периода определяется временем начала осуществления новой экономической политики на Дальнем Востоке, присоединенном в составе ДВР к Советской России, конечная дата

связана с отказом от методов рыночного регулирования в сельском хозяйстве и повсеместном переходе к коллективизации.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию современного Приморского края с учетом территориальных изменений, происходивших в 20-е годы - включение в августе 1923 г. в состав Приморской губернии территории ликвидированной Приамурской губернии и изменения в январе 1926 г. в связи с упразднением Приморской губернии и выделением из ее состава 4-х округов, в том числе и Владивостокского; таким образом та территория которая традиционно рассматривается как «Приморье».

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является сельское хозяйство Приморья в условиях нэпа, а предметом – особенности в развитии сельского хозяйства Приморья в 20-е годы XX века и их изучение в исторических исследованиях.

Целью исследования является выявление особенностей в развитии сельского хозяйства Приморья в 20–е годы и их отражение в исторических исследованиях ученых Дальнего Востока. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- выделить основные периоды в изучении новой экономической политики на Дальнем Востоке;
- оценить степень изученности новой экономической политики в Приморье и выявить проблемы, не получившие достаточного отражения в современных исследованиях;
- проанализировать основные факторы сельскохозяйственного производства и особенности их влияния на аграрный сектор Приморья;
- показать влияние налоговой политики государства на структуру и развитие – зернового хозяйства;
- рассмотреть особенности производства товарных зерновых культур и развития рисосеяния в Приморье.

Теоретической основой исследования является теория модернизации, рассматривающая исторический процесс как спиралевидное эволюционное развитие взаимосвязанных между собой цивилизаций в ответ на вызов изменяющейся социальной и природной среды. НЭп можно рассматривать как особый этап российской аграрной модернизации, в рамках которого прослеживаются как рыночные, так и административные тенденции в развитии сельского хозяйства, их сочетание и противоборство. Для этого периода характерны значительные изменения в структуре факторов производства, механизмах налогообложения, в том числе, и в области сельского хозяйства. Руководствуясь принципом объективности, автор старался полно и всесторонне анализировать всю совокупность фактов и выявить основные тенденции в развитии сельского хозяйства в данных хронологических рамках. Следуя принципу историзма, развитие исторического процесса рассматривается через призму возникновения, развития и разрешения противоречий при восстановлении сельского хозяйства в процессе советизации Приморья.

В работе применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, систематизации и обобщения, элементы статистической обработки цифровых данных), так и специальные исторические методы исследования. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие черты в развитии сельского хозяйства в условиях нэпа как в Приморье, так и на Дальнем Востоке, и в стране в целом, провести аналогии со сходными процессами в сельском хозяйстве соседних регионов, а также выявить отличительные особенности сельского хозяйства, свойственные только для Приморья. Историко-генетический метод дал возможность понять причины появления особенностей в сельском хозяйстве Приморского края, в том числе и тех, которые были заложены еще в имперский период, а также изменение самих особенностей в исследуемый период. Диахронный метод позволил сравнить состояние сельского хозяйства Приморья на начало новой экономической политики и его уровень развития к началу массовой коллективизации.

Использование данного метода позволило выделить в развитии сельского в Приморье в 1922-1929 гг. 2 этапа: 1922-1925; и 1925-1929 гг. Критерием их выделения стало серьезное изменение политики государства по отношению к крестьянству Дальнего Востока, в том числе и Приморья, в первую очередь в области налогообложения и землепользования.

С учетом историко-экономической направленности исследования, а также большого массива статистических данных для численного выражения изучаемой реальности в работе широко используется количественный метод, являющийся основой анализа инструментов финансовой политики и позволяющий решить вопросы сопоставимости финансово-экономических показателей, без чего нельзя понять и оценить все процессы, происходившие в рамках реализации новой экономической политики в сельском хозяйстве.

Степень изученности проблемы Историография реализации новой экономической политики в деревне Дальнего Востока России представлена исследованиями 20-30-х годов; исследованиями советского периода, основанными на марксистской идеологии; а также современными исследованиями. За два последних десятилетия произошли существенные сдвиги в изучении истории Дальнего Востока эпохи 1920-х годов, началась переоценка советского строительства и деятельности органов советской власти в деревне в 1920-е годы. И всё же специальные работы, посвящённые теме нэпа, до конца 1990-х гг. в дальневосточной историографии были в основном представлены публикациями малоформатного характера. Лишь в последние годы вновь усилилось внимание историков к этой проблеме. Более подробно историография проблемы рассматривается в первой главе исследования «Проблемы развития сельского хозяйства Приморья в исторических исследованиях XX – начала XXI вв.».

Источниковой базой исследования стала совокупность источников, извлеченных из архивных фондов, а также опубликованных в тематических сборниках документов и научно-практических изданиях изучаемого периода. Значительную часть источников составили законодательные акты, документы

региональных органов власти - Дальревкома, Дальэконо, Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома, решения краевых съездов советов, относящихся к распорядительной документации. К ним примыкают материалы (проколы, стенографические отчеты) краевых партийных конференций, решения которых играли большую роль в выполнении распоряжений центра. Значительная часть документов органов власти опубликована. Особую ценность представляет сборник документов Дальревкома, вышедший в Хабаровске в 1957 г.¹ В нем содержатся ценные документы по вопросам деятельности Дальневосточного революционного комитета по советизации региона, по восстановлению и развитию сельского хозяйства, налоговой и переселенческой политики, в том числе отчеты о работе Дальревкома, губернских ревкомов за 1924, 1925 годы, выписки из протоколов заседаний корейской комиссии Дальревкома и Приморского губисполкома о землеустройстве корейцев.

Значительная часть материалов по теме исследования выявлена в фондах фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), а также Государственного архива Приморского края (ГАПК). Обширный материал по теме исследования хранится в фондах Р-1, Р-35, Р-37 РГИА ДВ. В документах Статистического отдела Владивостокского окружного исполкома за 1923-1930 гг. в фонде Р-35, отложилась статистическая информация, содержащаяся в сводках и конъюнктурных отчетах, что сделало возможным выявить тенденции в освоении посевных площадей, изменении товарности сельскохозяйственных культур, выполнении хлебозаготовительных заданий, а также проанализировать изменения в аренде земли и технической вооруженности при проведении сельскохозяйственных работ. Находящиеся на хранении

¹ Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг.: Сб. док. Хабаровск, 1957.

документы содержат материал о существовавших проблемах при взимании продовольственного налога в селах Приморья, переписку региональных властей с центром по вопросу снижения ставки сельскохозяйственного налога в неурожайные годы.

Материалы Плановой комиссии Владивостокского окружного исполкома за 1926-1930 гг. в фонде Р-37 РГИА ДВ в виде протоколов и отчетов Дальневосточной плановой комиссии, протоколов заседаний сельскохозяйственной секции Владивостокской окружной плановой комиссии, содержат планы хлебозаготовок, контрольные цифры по объемам продукции растениеводства и животноводства, информацию об изменениях в сельхозналоге, рисосеянии и перспективах развития сельского хозяйства, что сделало возможным проследить динамику изменений в производстве наиболее значимых сельскохозяйственных культур, влияние налогообложения на формирование приоритетных для Приморья культур. Фонд Р-1 РГИА ДВ содержит комплекс документов Исполнительного комитета Приморского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов за 1922 -1928 гг. с ценной информацией о реформе единого сельскохозяйственного налога и распределении налогов по субъектам налогообложения, об отношении населения к фискальной политике государства, как в целом по Приморью, так и по отдельным его уездам.

Важное место в исследовании занимают документы из фондов Р-86, Р-1166, Р-1506 Государственного архива Приморского края (ГАПК). Особый интерес для изучения состояния зернового хозяйства Приморья в период нэпа представляют материалы Владивостокской окружной рабоче-крестьянской инспекции (фонд Р-1166) - планы, контрольные цифры, сводки и др. о посевной кампании в районах округа; сводки о ходе хлебозаготовок по округу за 1928-1930 гг.; протоколы заседаний окружного хлебного конвенционного бюро, комиссии по наблюдению за хранением хлебных фондов (1929-1930 гг.). Их изучение помогло определить степень эффективности развития сельского

хозяйства Приморского края в 20-е годы, изменения в объектах налогообложения.

Документы Приморского губернского земельного управления (фонд Р-1506 ГАПК), содержат данные о перспективных планах землеустроительных работ Приморской губернии на 1924-1925 гг., отчеты по землеустройству Приморского губернского и уездных земельных управлений, планы земельных улучшений губернии, сведения которых помогли пониманию землеустроительной деятельности государства в Приморье, позволили выявить проблемы в распределении земель между различными категориями населения. В фонде Р-86, содержащем материалы Исполнительного комитета владивостокского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1926-1930 гг., особый интерес представляют стенографический отчет Первого (1926), стенограмма Третьего (1929) окружных съездов Советов, их решения; стенограмма пленума по итогам обследования работы советского аппарата округа (1928). Протоколы Второго (1929) и Четвертого (1930) пленумов административной и налоговой комиссий, совещаний при президиуме окружного исполкома и его отделов, позволяющие проанализировать политику губернских органов власти по отношению к сельскому хозяйству.

Информация по исследуемой теме содержится в периодических изданиях того времени. Особенно важными оказались публикации материалов в специализированном журнале «Экономическая жизнь Приморья», издаваемым по инициативе Примгубисполкома и Губернского экономического совещания. В первую очередь, интерес представляют конъюнктурные ежемесячные отчеты и обзоры различных экономических процессов, происходящих в губернии; обзоры поступления налогов по Приморской губернии; товарные цены на различные виды сельхозпродукции; обзоры элементов хозяйственного баланса Приморья. В работе использован большой массив статистической информации, часть из которой подчерпнута в «Статистическом бюллетене» Дальневосточного областного статистического

управления, который содержит сведения о выборочных обследованиях сельского хозяйства, сведения о батраках, национальных группах, занятых в сельском хозяйстве, о льготах по единому сельскохозяйственному налогу. Определенный интерес представляет сборник статей «Приморье, его природа и хозяйство»¹, в котором можно подчерпнуть информацию о состоянии посевных площадей Приморья к началу его советизации. Источниковая база, сложившаяся в процессе исследования, позволила решить поставленные задачи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

¹ Приморье. Его природа и хозяйство. Сб. статей, составленный научно-просветительной секцией Приморского губернского выставочного Бюро. Владивосток, 1923.

Глава 1. Проблемы развития сельского хозяйства Приморья в исторических исследованиях XX –начала XXI вв.

Значительный интерес для современных исследователей представляет история советского общества 1920-х – 1930-х гг., поскольку именно в этот период разворачивались процессы, которые легли в основу всей последующей цепи исторических событий. Изучение сельского хозяйства Приморья является одним из источников воссоздания объективной истории 1920-х гг., осмысления этого сложнейшего периода нашего прошлого. Не зная общих закономерностей и особенностей развития сельского хозяйства в условиях нэпа на Дальнем Востоке и в Приморье, в частности, невозможно дать правильную оценку тем преобразованиям, которые относятся к последующим десятилетиям советской власти и оказывают влияние на современную ситуацию в данной области экономики. В изучении проблем развития сельского хозяйства в условиях новой экономической политики можно выделить несколько «пиковых» периодов, когда научный и общественный интерес к данной теме был максимальным: в 1-ю очередь это собственно 20-е гг. XX в., когда исследователями становились непосредственные участники нэпа, желающие обобщить имеющуюся информацию о происходящих в экономике процессах. Следующий значимый всплеск интереса – 60-е гг., во многом это было обусловлено самой атмосферой «оттепели» и расширением доступа к новым архивным источникам, а также с идеями введения хозрасчета в механизмы плановой экономики. В этих условиях интерес к механизмам нэпа, в том числе и в сельском хозяйстве, был вполне обоснован. Еще одной «пиковой точкой» интереса к процессам, происходившим в рамках новой экономической политики в сельском хозяйстве стали 90-е годы. На этом этапе происходят серьезные перемены как в тематике исследований, так и в их содержании, в первую очередь связанные с кардинальными изменениями в методологии исследований, а также в их проблематике.

1.1 Изучение проблем развития сельского хозяйства Приморья в советской историографии

Историография проблем развития сельского хозяйства начала складываться уже в процессе осуществления новой экономической политики. Специалисты статистических, плановых, сельскохозяйственных и иных учреждений рассматривали структурные изменения в сельском хозяйстве региона, причины низких темпов развития полеводства, меры государства, направленные на восстановление посевных площадей. Характеризуя исследования развития советской деревни Дальнего Востока и Приморья в первой половине 20-х гг. XX века, можно отметить значительное количество публикаций, раскрывающих различные аспекты развития доколхозной деревни с привлечением богатейшего фактического материала, что дает возможность их использования в настоящее время и в качестве исторических источников. В статьях содержится значительный статистический материал, позволяющий сравнить процессы, происходившие в сельском хозяйстве как в нэповский, так и предшествующий период. Однако, в данных трудах в основном фиксировались исторические факты без дальнейшего их исторического анализа. Так, работе Б.Н. Клепинина «Сельское хозяйство Приморья»¹ была дана характеристика земельных угодий Приморья, приведены данные о землепользовании, особенностям произрастания сельскохозяйственных культур, степени товарности сельского хозяйства. В статье Д.И. Соловьева «Обзор поступления налогов по Приморской губернии»² рассматривались вопросы налогообложения в Приморской губернии в связи с присоединением ДВР и распространением новой экономической политики на вновь присоединенные территории. Ряд материалов содержится в сборнике «Приморье. Его природа и хозяйство», в том числе о перспективах развития ряда нехарактерных для Дальнего Востока

¹ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С.16 -23.

² Соловьев Д.И. Обзор поступления налогов и доходов по Приморской губернии за январь – сентябрь 1922 г. // Экономическая жизнь Приморья, 1924. №1. С.19 -36.

сельскохозяйственных культур¹, развитию кооперативного движения.² А.Г. Коровин в своей статье "Очерк заселения Приморья"³ достаточно подробно рассматривает переселение на российский Дальний Восток корейцев, которые повлияли не только на состав населения Приморья, но и состав сельскохозяйственных культур в структуре зернового и технического полеводства. Одной из наиболее полных обобщающих работ, исследующих процессы, проходившие в дальневосточной деревне в 20-е годы, является исследование А.М. Брянского, посвященное различным аспектам развития крестьянского хозяйства: средствам производства, основным отраслям деятельности крестьянского населения, национальным группам в крестьянских хозяйствах, развитию рынка сельскохозяйственных продуктов.⁴

Можно отметить и идеологическую подоплеку, которая отражается в трактовках тех или иных событиях изучаемого периода. Особенностью начального периода изучения новой экономической политики является и то, что наблюдается практическое отсутствие фундаментальных трудов по проблеме осуществления новой экономической политики в целом, при достаточно большом количестве статей, посвященных развитию сельского хозяйства. Как правило, в публикациях рассматривались отдельные аспекты политического и экономического состояния деревни в сравнительно небольшой хронологический период в два - три года. Авторы в данный период, в первую очередь, обращали внимание на социально-классовую структуру изменяющейся деревни, особенно на положение бедноты и батрачества, ряд статей были посвящены системе налогообложения и хлебозаготовок.⁵

¹ Чарнецкий Л.Б. Возделывание риса в Приморье // Приморье. Его природа и хозяйство. Владивосток. 1923. С. 104 -123.

² Нечаев А.И. Кооперация в Приморской губернии // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток, 1923. С. 320 – 332.

³ Коровин А.Г. Очерк заселения Приморья // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток, 1923. С.156 - 173.

⁴ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С.1-190.

⁵ Аникеенко И.К. Денежный оборот крестьянских хозяйств // Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 2. С.40 - 44; Басов П. Деревня и налог // Советское

Заметный научный интерес к нэпу проявился в отечественной историографии в 60-е гг. в связи с проведением экономических реформ, основанных на элементах рыночного регулирования. Сформировавшаяся в 20 – 40-е годы методологическая основа исследований и их проблематика не претерпевала значительных изменений и в 60-е годы. Повышенный интерес у историков продолжали вызывать вопросы кооперативного строительства периода нэпа, – как этап подготовки к сплошной коллективизации в рабоче-крестьянском государстве. Значительным явлением в изучении процессов, происходящих в СССР до начала массовой коллективизации, стали монографии В.П. Данилова. В них исследуются изменения социальной, классовой и профессиональной структуры крестьянства в 20-е гг., вопросы крестьянского землепользования, делается вывод о противоречивости мелкого крестьянского хозяйства как раз в вопросах землепользования и необходимости выбора между индивидуализацией и коллективизацией, отмечается ограниченность возможностей крестьянского хозяйства в решении производственных проблем. Важное значение имеет выдвинутая В.П. Даниловым периодизация земельной политики государства в рамках единого периода 1922 -1929 гг. ¹ В следующей монографии автор обращает внимание на социальное расслоение крестьянства, рассматривает вопросы технической обеспеченности крестьянских хозяйств, вопросы арендных отношений и наемного труда, в том числе и батрачества. Особо отмечаются государственные меры, направленные на преодоление эксплуатации работников и обособление крупных хозяйств в деревне. Подробно анализируются процессы кооперации крестьянских хозяйств, трансформация кооперативных отношений от товарно-денежных форм к производственным.²

Приморье. 1925. №1-2. С.16 – 19; Громов М.П. Сельское хозяйство в ДВК в 1928г. // Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 2. С. 16 – 29.

¹ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.,1979.

В 60-70-е гг. вновь усиливается интерес к проблемам экономического развития Дальнего Востока, в том числе и Приморского края в условиях нэпа, ведется дискуссия о путях развития капитализма в сельском хозяйстве восточных окраин России. Основное внимание при освещении истории советской доколхозной деревни уделялось вопросам становления советской системы управления, продовольственной политики государства, классовой борьбы, государственного регулирования аграрных отношений, развития сельскохозяйственного производства, социально-экономические положения крестьянства, его социальной психологии.

Показательно, что в дальневосточных работах исследователи, опираясь на общесоюзные работы, практически не употребляли понятие «новая экономическая политика» применительно к региону, освещая правительственные мероприятия в рамках процессов «восстановления» и «реконструкции» народного хозяйства.¹ Специфической особенностью, на которую обращали внимание исследователи истории советского Дальнего Востока 20-х гг. называли более позднее начало модернизации сельского хозяйства – 1923 год, и активное развитие частного предпринимательства. Так, рассматривая первый этап его социалистического переустройства, А. И. Крушанов дал оценку новой экономической политике, начавшейся на Дальнем Востоке только с 1923 г., отметив, что здесь продолжали функционировать элементы частного предпринимательства, расширилось индивидуальное производство, сохранялась деятельность иностранных концессий и ряд других

¹ Безгин С. В. Осуществление новой экономической политики в промышленности на советском Дальнем Востоке в 1922-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010.

особенностей¹. Им также были исследованы особенности начального этапа новой экономической политики и в Приморье.²

Научное сообщество обращается к локальным аспектам новой экономической политики, в том числе первым мероприятиям советской власти по внедрению новой системы налогообложения,³ проблемам изменения численности населения и переселенческой политике на Дальнем Востоке,⁴ подготовке и проведении коллективизации.⁵ Так, Э.М. Шагин рассматривает вопросы аграрного движения в дальневосточной деревне в 1917 году, которое оценивается им как первая социальная война,⁶ когда явно проявились противоречия между различными группами, в первую очередь казачеством и деревенскими низами, дается характеристика настроениям крестьянства, изменений их интересов на протяжении 1917 года с учетом специфики местного землепользования при отсутствии помещичьего землевладения.⁷

В конце 1960 г. вышли статьи, посвященные истории потребительской кооперации Дальнего Востока в начале XX в. В статье А.С. Шикалова рассмотрена потребительская кооперация Дальневосточного края в период

¹ История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в период восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922 – 1937) / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1977. С. 245 – 298.; История дальневосточной деревни (1861 – 1975 гг.) / А.И. Крушанов, А.П. Дервянко. Кн. 1. Владивосток, 1979.

² Крушанов А.И. Переход от гражданской войны к мирному социалистическому строительству в Приморье (октябрь 1922 – 1923 гг.) // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958.

³ Авдеева Н.А. К вопросу об экономической политике правительства Дальневосточной республики (1920 – 1922 гг.) // Вторая науч. конф. по истории, археологии, этнографии Дальнего Востока. (Тезисы докл. и сообщ.) Владивосток, 1960. С.45.

⁴ Пастушенко Л. Переселение на Дальний Восток (1925 – 1935 гг.) // Вторая науч. конф. истории, археологии, этнографии Дальнего Востока. (Тезисы докл. и сообщ.) Владивосток, 1960. С.19 – 20.

⁵ Шишко Н.П. Борьба партийной организации за подготовку и проведение коллективизации сельского хозяйства Приморья (октябрь 1922 – 1933 гг.) // Вторая науч. конф. по истории, археологии, этнографии Дальнего Востока. (Тезисы докл. и сообщ.) Владивосток, 1960. С.16 – 17.

⁶ Шагин Э.М. Дальневосточная деревня в 1917 году (февраль – октябрь) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период) / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1982. С. 3 – 21.

⁷ Там же.

после Октябрьской революции, в годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства. Автор водит в оборот новые архивные данные по истории дальневосточной кооперации периода 1917-1919 гг., рассматривает мероприятия большевиков по кооперативному движению в ДВР. Работа А.С. Шикалова ценна фактическим материалом, но она построена на ограниченном круге источников и небольшая по объему.¹ В работах Е. И. Нечаева и В. К. Иващенко² содержится ценный фактический материал о развитии региональной кооперации в советский период, одновременно рассматривается и дореволюционный кооперативный опыт. А.П. Фетисов рассматривает проблему кооперирования в национальных районах Дальнего Востока, в первую очередь на Камчатке и Чукотке. Кооперация рассматривается автором как способ вовлечения малых народов в новые экономические отношения и преодоления отсталости. Автор дает характеристику интегральной кооперации с промысловым уклоном, которая была призвана повышать материальный и культурный уровень ее членов.³ Одна из статей Е.А. Лыковой, относящаяся к указанному периоду также затрагивает проблему кооперации. В ней дается характеристика политики Советской власти, способствующая кооперации и коллективизации крестьянства. Указываются основные препятствия этому процессу: незавершенность или полное отсутствие землеустройства, необходимость хозяйственного устройства земель колхозов с разбивкой участков на поля севооборота. 1927 г. оценивается как переломный, определивший качественные изменения в землепользовании,

¹ Шикалов А.С. Потребительская кооперация в период Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1917 - 1925 гг.) // Очерки потребительской кооперации Дальнего Востока. Новосибирск. 1969. С. 29 - 45.

² Нечаев Е. И. Потребительская кооперация в период борьбы за победу социализма в СССР (1926-1940 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока. Новосибирск. 1968. С. 72-112; Иващенко В. К. Потребительская кооперация Дальнего Востока в дореволюционный период (1898-1917) // Очерки потребительской кооперации Дальнего Востока. Новосибирск. 1968. С. 5-27.

³ Фетисов А.П. Деятельность Советов Северо-Востока по обеспечению кооперирования хозяйств малых народностей (1925- 1928 гг.) // Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922 – 1985 гг.). Сб. науч. трудов. Владивосток, 1979. С. 22- 33.

выражающиеся в возрастании роли судебно-земельных органов в защите бедняцко-средняцкого крестьянства, в активизации деятельности земельных комиссий.¹ В своих выводах исследователи подчеркивают особую роль коммунистической партии в становлении местной кооперации, отражая борьбу партии большевиков за овладение кооперацией.

Ряд работ Е.А. Лыковой, опубликованных в 70-80-е гг., которая изучала различные аспекты развития доколхозной деревни в 20-е гг., посвящен землеустроительной политике на Дальнем Востоке. В статье «Землепользование и землеустройство в Амурской деревне в 1922 – 1924 гг.» на примере Амурской деревни рассматриваются процессы землепользования на начальном этапе проведения новой экономической политики, делается вывод о значительной роли партийных и государственных органов в подготовке условий для успешного решения земельного вопроса в последующий период.² В других статьях, посвященных данной проблеме, определяются периоды в землеустроительной политике: 1923- 1926 гг. и 1926 – 1929 гг. Целью землеустройства, как отмечает автор, было устранение наиболее ярко выраженного земельного неравенства - межселенное устройство привело к сглаживанию внешних признаков земельного неравенства и имело, в первую очередь политическую ценность. Указывается, что землеустройство, борясь с громоздкостью земельных обществ, способствовали введению более совершенных систем полеводства в дальневосточной деревне.³ Проблемы земельных отношений и меры

¹ Лыкова Е.А. Развитие коллективных форм землепользования в дальневосточной деревне в период непосредственной подготовки коллективизации. (1927-1929 гг.). //Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период) / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1984. С 15 – 26.

² Лыкова Е.А. Землепользование и землеустройство в Амурской деревне в 1922 – 1924 гг. //Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. Т. 101. Владивосток, 1975. С. 37 – 43.

³ Лыкова Е.А. К вопросу о проведении землеустройства в дальневосточной деревне (1923 - 1925 гг.). //Ученые записки ДВГУ. Т. 82. Сер. историческая. Владивосток, 1973. С. 130 -134; Она же. Землеустройство в дальневосточной деревне (1923- 1926 гг.) //Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX – XX вв.). Владивосток, 1979. С. 84-90.

государства по их решению на Дальнем Востоке нашли свое отражение в диссертационном исследовании Е. А. Лыковой.¹

Исследуя процессы, происходящие в сельском хозяйстве Дальнего Востока, ученые особое внимание начинают уделять именно Амурской губернии. Эта тенденция сохранилась и в последующие десятилетия. Во многом, в Амурской области проявились тенденции, являющиеся срезом развития процессов, свойственных всему Дальнему Востоку. Так, Н.А. Шиндялов подробно рассмотрел структуру крестьянства, соотношение социальных групп в Амурской деревне.² Е.А. Черепинской рассматриваются условия проведения посевной кампании в Амурской губернии, оцениваются действия власти в организации посевной кампании и создании семенного фонда, автор подчеркивает некоторые идеологические аспекты, в том числе роль укрепления союза рабочего класса и крестьянства.³

Несколько статей посвящены налоговой политике государства: В.С. Флеровым в статье, посвященной деятельности Дальревкома рассматриваются различные направления его деятельности, в том числе перестройка и укрепление деятельности земельных органов, деятельность по обеспечению сбора сельхозналога, подчеркивается социальная направленность налога и вклад Дальревкома в разработку форм материальной заинтересованности трудового крестьянства.⁴ Л.И. Волошина анализирует процесс перехода к выплате продналога крестьянскими хозяйствами и проблемами, которые приходилось решать в связи с особенностями региона, в том числе одномоментно проводящийся политикой заселения этих территорий,

¹ Лыкова, Е.А. Земельная политика Советского государства на Дальнем Востоке, октябрь 1917 - 1929 гг.: дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 1981.

² Шиндялов Н.А. О классовой структуре амурского крестьянства (1922-1926 гг.) // Вопросы истории Советского Дальнего Востока. Кн. 1. Владивосток. 1963. С.132 -138.

³ Черепинская Е.А. К вопросу о проведении посевной кампании на Амуре весной 1923 г. // Материалы XIV научной конференции ДВГУ (серия общественных наук). Владивосток, 1970. С.57 – 60

⁴ Организационно-хозяйственная деятельность Дальревкома (1922 – 1926 гг.) // Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922 – 1985 гг.). Сб. науч. трудов. Владивосток, 1979. С. 3- 21.

арендными отношениями, в первую очередь арендой сложной техники. Анализируются проблемы применения единой налоговой сетки в 1923/24 налоговом году без учета специфики региона, которая выражалась как в количестве десятин на хозяйство, так и в его мощности. Автор подчеркивает классовую направленность налогообложения и систему поощрений, особенно при использовании совершенной агрокультуры, производстве наиболее ценных культур, развитии кооперации. Так же, большое внимание уделяется ответной реакции населения на налогообложение – утайкам и мерам властей по борьбе с ними. Делается вывод о том, что налоговая политика носила ярко выраженный классовый характер и была важным средством регулирования социальных процессов.¹

Монографических исследований и крупных трудов, посвященным НЭПу и имеющих прямое отношение к истории Дальнего Востока и Приморья в частности, к 80- м годам XX века так и не было создано.² Можно отметить монографию Н.Я. Гущина посвященную исследованию крестьянства Сибири в годы кардинальных изменений в области сельского хозяйства, автор показывает роль поземельной общины в создании условий и подготовке к коллективизации.³

Вышеперечисленные исследования определили основные направления в исторической науке в более поздний период, когда, используя новые, ранее не

¹ Волошина Л.И. Классовая направленность налоговой политики Советской власти в деревне Дальнего Востока в период восстановления народного хозяйства. //Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток, 1984. С. 3 – 14.

² История Дальнего востока: От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней. Библиографический указатель. Владивосток, 1980; Научные труды профессорско-преподавательского состава и сотрудников Дальневосточного государственного университета. Библиографический указатель. Вып. 1. Владивосток. 1976; Библиографический указатель работ по истории археологии и этнографии Дальнего Востока. Вып. 1. Труды сотрудников отдела истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока дальневосточного научного центра АН СССР. 1954 -1970 гг. Владивосток, 1971.

³ Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.) – Новосибирск: Наука, 1973. 518 с.

изучавшиеся, источники и новые методологические подходы к уже изученным материалам, начинается новый этап в изучении доколхозной деревни, отмечается всплеск интереса к темам, получившим теоретическое обоснование ранее и абсолютно новым проблемам, которые не могли быть поставлены в условиях доперестроечного периода. В условиях проведения политики гласности и поворота к возобновлению рыночных отношений в стране ученые стали переосмысливать прежние научные положения сначала в рамках марксистской методологии, а позднее, в качестве методологической базы используя теорию модернизации, локальных цивилизаций и иные немарксистские теории. В это время отмечается всплеск интереса к новой экономической политике, один из процессов которой - «реконструкция» назывался современниками «перестройкой народного хозяйства 20-х годов».

1.2. Постсоветский период историографии сельского хозяйства Приморья

Отступление от унифицированного подхода к изучению истории советского периода, в том числе и к трактовке НЭПа, начался в конце 80-х гг. Смена научной парадигмы в сторону нелинейности, многомерности и одновременно целостности, заставил взглянуть на ход исторического развития с позиций многовариантности и альтернативности. Во многом смена исторических представлений во второй половине 80-х гг. происходила под влиянием политических изменений в стране. Первыми стали обсуждать острые проблемы советской истории публицисты и писатели, зачастую делая весьма поверхностные и слабо обоснованные выводы.¹ Наиболее остро обсуждаемыми вопросами стали процессы XX столетия, несущие на себе груз идеологических и политических пристрастий, и, в частности, первых послереволюционных десятилетий, когда формировались и укреплялись основы советской системы. 20-е гг., прошедшие в основном под знаком новой

¹ Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102-116.

экономической политики, как период перехода и трансформации, попали в эпицентр дискуссий. В нем начали искать истоки перестройки и аргументы для анализа причин деформации социализма, позволяющий увидеть в нем реальный путь выхода из экономического и политического тупика, в котором оказалась страна. Проблема альтернативности становится основной в суждениях о нэпе, а одной из основных дискуссионных проблем становится вопрос о том, почему эта политика не стала долговременной.

С середины 80-х годов, в связи с перестроечными явлениями, политикой гласности в научный оборот стали вводиться новые, ранее закрытые, источники, что позволило глубже рассматривать процессы, проходившие в дальневосточной и, в том числе, приморской деревне. В 1991 г. коллектив авторов Института истории, археологии и этнографии народов СССР ДВО РАН подготовил фундаментальный труд «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX-XX вв.», в котором обобщен материал, касающийся, в том числе, и социально-экономического развития региона в 20-е гг. XX в, восстановления народного хозяйства и начала кооперирования крестьянских хозяйств на Дальнем Востоке.¹ В сборнике был дан объективный анализ деятельности органов власти по землеустройству, показано стремление избежать ошибок в процессе становления Советской власти, когда возникали трудности в системе налогообложения, землепользования, арендных отношений, усугубившиеся по действием политики Дальсовнаркома.

Особого внимания заслуживают работы Э. М. Шагина и И.Д. Саначева, в которых рассматриваются теоретические аспекты экономического развития дальневосточной деревни. Так, в работе «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.»², Шагин Э.М. указывает, что общая тенденция развития сельского хозяйства Дальнего Востока и прежде всего Амурской области

¹ Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории / Под общ. ред. А.И. Крушанова. Владивосток, 1991.

² Шагин Э.М. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: очерки истории. Владивосток. 1991.

укладывалась в выделенный А.В. Чаяновым американский путь эволюции сельского хозяйства. «Дешевая земля, дорогой труд, экстенсивное земледелие с большим вложением капитала и широко поставленной механизацией», иначе говоря, все факторы, составляющие, по Чаянову, основу фермерского типа хозяйства, хорошо прослеживаются на конкретно-историческом материале восточных окраин. Однако он указывает на значимое отличие – малотрудоемким освоение земель Амура и Приморья назвать очень трудно. Э.М. Шагин, рассматривая аграрную политику советской власти на Дальнем Востоке, уделил также особое вопросу организации коммун и артелей, оказавших непосредственное влияние на процесс участия сельского населения в создании коллективных форм хозяйствования и их трансформацию в течение 20-х годов. И.Д. Саначев высказал мнение об уникальности аграрного развития дальневосточного региона. С его точки зрения, дальневосточная деревня развивалась по своему особому пути, а местного крестьянина следует считать не фермером, но "земельным промышленником"¹. К сожалению, автором не была раскрыта сущность этого понятия, он лишь отметил, что данный вопрос нуждается в серьезной методологической разработке.

К середине 90-х гг. исследования выходят на качественно новый уровень: анализу подвергаются все аспекты и стороны нэпа. Спор переводится в другую, концептуальную плоскость: каким образом рассматривать нэп: как определенную политику, идеологию в конкретно-исторический период или как своеобразную реакцию руководства РКП(б) на угрозу утраты власти, набор средств и методов для решения конкретно-исторической задачи.² В 1994 г. вышел сборник статей о нэпе под редакцией В.П. Дмитренко.³ Несмотря на разноплановость тем исследований, сборник можно рассматривать как своеобразное подведение итогов научных изысканий о нэпе конца 80-х –

¹ Саначёв И. Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке. 1922 - 1925 гг. Владивосток, 1993. С.125-189.

² Дмитренко В.П. Четыре измерения НЭПа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С.125-132.

³ НЭП : приобретения и потери / Р.У. Дэвис, В.П. Дмитренко, В.А. Мау и др. М., 1994.

начала 90-х годов. Основные выводы можно сформулировать следующим образом: нэп продолжал решать значимые вопросы, поднятые Октябрем; нэп был чужд коммунистической бюрократии; продолжало увеличиваться социальное расслоение в обществе; у большевиков не было альтернативных вариантов социалистического строительства. Активизируются и исследования в области социальной истории, которая прежде сводилась к чисто производственным вопросам, а некоторые проблемы вообще исключались из сферы научных исследований (повседневность, самосознание и т.д.). Эта тенденция нашла отражение в заметных для научной общественности публикациях. Социально-политические аспекты нэпа все чаще привлекают внимание региональных исследователей, которые на основе местного материала выявляют существенные черты этих процессов в 20-е годы, имевших свои неповторимые особенности.

Дальневосточные ученые особое внимание стали уделять переселенческой политике в 20-е годы, землепользованию и кооперации крестьянских хозяйств Дальнего Востока. Достаточно подробно рассматривается социально-классовая структура крестьянства, формирование трудовых ресурсов в дальневосточной деревне. Этому посвящены труды С.А. Головина.¹ Он отмечает, что ликвидация дореволюционных классов, находившихся к 1917 г. в стадии организационного оформления, началась сразу после революции с экспроприации крупных собственников, и со временем распространилась на большую часть мелких и средних независимых товаропроизводителей. Крестьянство было отчуждено от распоряжения

¹ Головин С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е гг. XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск. 2006. № 2 (10). С. 118–129; Его же. Особенности социальной структуры населения на Дальнем Востоке России в первые годы восстановления советской власти после гражданской войны и интервенции (1923–1925 гг.) // Объединенный научный журнал. 2003. № 3. С. 22–27; Его же. Особенности политического развития Приамурья и Приморья в 20–30-е годы XX века // Матер. межд. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию Амур. обл. краев. музея им. Г. С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2001. С. 110 – 113; Его же. Рассказывание на Амуре (1917–1930-е годы) // Ученые записки БГПУ. Т. 21. Гуманитарные науки.: В 2-х ч. Ч. 1. Благовещенск, 2004. С. 146–166.

землей, от традиционных способов хозяйственной организации. Е.Л. Мотрич и Ю.В. Аргудяева акцентируют внимание на демографических аспектах в дальневосточной деревне.¹ Продвинулось вперед исследование темы репрессий, которой посвящен ряд статей Е.Н. Чернолуцкой, Л.И. Проскуриной, Г.А. Ткачевой и др.² Среди важнейших проблем истории советского периода, в исследовании которых в последние годы достигнуты заметные результаты, следует назвать вопросы землепользования и землеустройства дальневосточной деревни. На основе введенных впервые в научный оборот архивных документов Е.А. Лыковой исследуются вопросы землеустройства и землепользования, что нашло отражение в статьях данного автора³ и, в том числе, монографии в соавторстве с Л.И. Проскуриной, где раскрываются основные тенденции и особенности политического и социально-экономического развития дальневосточной деревни в 20-30-е годы XX века: установлены масштабы насилия над крестьянством и конкретные формы репрессий в деревне. Значительное место в своей монографии Е.А. Лыкова и Л.И. Проскурина отвели вопросам налоговой политики Советской власти и государственному регулированию. Авторы определяют сельскохозяйственный налог с двух позиций: как орудие планового воздействия на процессы накопления, источниками которого были различные группы крестьянства, и как регулятор социально-экономического развития деревни.⁴ При этом обращается внимание на повышенный процент кулаков и

¹ Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Дальнего Востока: прошлое, настоящее и будущее // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.1. Благовещенск, 2000. С. 151-157; Аргудяева Ю.В. Старобрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000. С.178- 278.

² Чернолуцкая Е. Н. Противоречивость миграционной политики на Дальнем Востоке СССР в 20 – 30-е годы (на примере Приморья) // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн.2Владивосток, 1993. 89–92; Проскурина Л. И. Деревня двадцатых... Аграрная история Дальнего Востока России в 20 – 30-е годы: дискуссионные проблемы // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 3. 55– 82; Ткачёва Г. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20 – 30-е гг. XX в. Владивосток, 2000. С. 11-35.

³ Лыкова Е.А. Политические настроения крестьян приморской деревни в 20-е годы XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. Ч. 1. Владивосток, 2003. С. 341-345.

⁴ Проскурина Л.И., Лыкова Е.А. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004. 188 с.

бедняков на Дальнем Востоке, что по их мнению было обусловлено как историческим процессом освоения данных территорий, так и политикой государства, которое до середины 20-х годов ограничено проводило меры социально направленной политики в деревне.

Значительный вклад в изучение процессов в сельском хозяйстве Дальнего Востока привнесён исследованиями С.М. Стасюкевич. В ряде статей данного автора¹ рассматривается формирование агропродовольственной политики Советского государства на Дальнем Востоке, раскрываются ее основные аспекты: внутренние механизмы аграрного рынка 1920-х гг. и механизмы проведения хлебозаготовительных кампаний, ценовая политика советской власти, деятельность хлебозаготовительных органов, репрессивная политика Советской власти в отношении сотрудников государственных и кооперативных организаций, работавших на хлебном рынке, проблема голода и ее последствия. Автор приходит к выводам, что агропродовольственная политика советского государства на Дальнем Востоке в 1920-х гг. была направлена на его отрыв от маньчжурского хлебного рынка, переориентацию на поставки зерна из производящих районов Сибири. Меры, принимаемые государством для регулирования хлебного рынка в производящих районах страны, привели на Дальнем Востоке к заготовительному и потребительскому кризису. При этом отношение крестьян к налоговой политике государства характеризуется как экономически рациональное. В то же время автор отмечает, что отличительной чертой хлебозаготовительной политики на

¹ С.М. Стасюкевич Изучение аграрного рынка периода новой экономической политики в современной российской и дальневосточной историографии // Вестник Томского университета. 2008. №12 (317). С. 119 -122; Ее же. Продовольственная политика советского государства на Дальнем Востоке в 1922–1928 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С.17–21; Ее же. Проблема голода и налоговая политика советской власти в дальневосточной деревне в 1922–1925 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. №2 (42). С. 171–178; Ее же. «Чистки» хлебозаготовительного аппарата на советском Дальнем Востоке в конце 1920-х годов // Новый исторический вестник. 2015. №. 2 (44). С. 89 -102; Ее же. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. на Дальнем Востоке // Российская история. 2016. № 1. С.98-115.

Дальнем Востоке было очень жёсткое отношение к частным заготовителям, а политика монополизации заготовительного рынка начала осуществляться тогда, когда Дальний Восток еще не успел восстановить свое зерновое производство и тем более обеспечить его устойчивое развитие. Сделан вывод о том, что результатом реализации агропродовольственной политики явился кризис на хлебном рынке региона. В своих статьях С.М. Стасюкевич затрагивает и другие проблемные для региона вопросы, в том числе землепользования, кооперации и сельскохозяйственного кредитования.¹ Автор приходит к выводу, что советская власть в 1920-х гг. через направляемое землеустройство стремилась к концентрации земельных ресурсов в руках государства, а земельные отношения в дальневосточной деревне, формировавшиеся в процессе поздней колонизации региона, обладали рядом отличительных черт. На все процессы, происходящие в доколхозной деревне, оказали влияние своеобразная структура землепользования и землевладения, выразившаяся в неравнозначности земель, особенности дальневосточной общины и землеустройства, носившего весьма приблизительный характер. Вместе с тем 1920-е годы, как обоснованно указывает автор, отмечены множеством углубляющихся противоречий между крестьянством и государством. В статьях делаются выводы о том, что Советская власть на протяжении всего нэпа решала в регионе задачу концентрации фактического контроля над земельными ресурсами в своих руках, используя различные инструменты, в том числе кредитные и кооперационные. В условиях новой экономической политики дальневосточная система сельхозкредита хотя и развивалась по общему для

¹ Стасюкевич С. М. Кооперация на Дальнем Востоке в 1920-1922 гг. и политическая борьба вокруг нее // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона. Владивосток, 2001. С. 80-83; Ее же. Политика и экономика в общественном сознании дальневосточного крестьянства 1920-х годов // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С.64–71.; Ее же. Деньги для крестьянства: сельскохозяйственный кредит на Дальнем Востоке в условиях нэпа. // Новый исторический вестник. 2014. №. 42. С. 63–75; Ее же. Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг. // Ойкумена. 2017. № 1. С.90 – 102.

советской кооперации алгоритму, однако она не смогла стать эффективным инструментом накопления средств населения и их инвестирования в производство. Автор отмечает, что сельскохозяйственный кредит в 1920-х гг. на Дальнем Востоке был банковским, а не кооперативным, таким образом, многое, что делалось государством способствовало ослаблению рыночных мотиваций среди дальневосточного крестьянства, а значит, подрывалась ориентация на ведение индивидуального хозяйства.

Еще одной проблемой, вызвавшей интерес у исследователей, особенно в последнее десятилетие, стала проблема изучения взаимоотношения корейского и русского населения на Дальнем Востоке, вклад корейцев в сельскохозяйственное развитие региона. Я.А. Барбенко¹ анализирует отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока, указывая на их неслучайный характер и взаимодополняющие формы сотрудничества. Как положительное явление, он отмечает, что земельная основа конфликтов была снята на рубеже 20 – 30-х гг. коллективизацией. Сон Ж.Г. обратила внимание на тот факт, что японский капитал сыграл определенную роль в развитии дальневосточного рисосеяния.² В период присутствия интервентских японских войск разведение риса на Дальнем Востоке получило существенный стимул, в первую очередь из-за спроса на нужды японской армии. В статье освещается основная, по мнению автора, проблема корейцев – распределение земли, использование и строительство оросительных систем. Эта же проблема поднимается в статье Е.А. Лыковой «Корейский вопрос» в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы».³ Автор определяет корейскую колонизацию в

¹ Я.А. Барбенко Отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – первой трети XX вв. // Ойкумена. 2008. № 3. С 17 – 23.

² Сон Ж.Г. Российские корейцы в 1920-1930-е годы как трудовой ресурс: региональный аспект управления // Мат. 9-й межд. конф. «Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации», 25-27 мая 2011 г. МГУ. М., 2011. С. 496-503.

³ Лыкова Е. А. «Корейский вопрос» в аграрной политике советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института 2016. №1 (29). С 26 -32.

основном как земледельческую, для которой было свойственно переселение целыми семьями, стремление прочно осесть на земле, образование моноэтнических поселений, сохранение своей культуры, а большое скопление корейцев на юге Приморья, их земельная неурюенность создавали богатую почву для их эксплуатации старожильческим населением. В статье делается вывод, что несмотря на все трудности к концу 1920-х гг. земельный вопрос с корейскими иммигрантами частично был решён, а одним из путей его решения стало включение его как составной части в земельную политику, проводимую на российском Дальнем Востоке в 1920-е гг.: определение земельных норм наделения, первоочередное землеустройство в тех селениях, где осели корейцы, урегулирование земельной аренды и отношений найма-сдачи орудий труда и рабочих рук.

Проблемам государственной политики в области финансов, кооперации, деятельности органов власти, в том числе Дальревкома, а также репрессивной и кооперативной политике государства посвящен ряд диссертационных исследований современного периода. Е.А. Берестенникова, в своей диссертационной работе на основе обширной источниковой базы раскрыла содержание форм кооперативной деятельности и провела анализ осуществляемой кооперативной политики в Дальневосточном регионе показав, что кооперация в те годы являлась средством в реализации экономических и политических задач, как для органов власти, так и для различных политических сил¹. Автор подробно рассматривает такие формы кооперации, как потребительская, сельскохозяйственная, кустарно-промысловая и кредитная, которые в силу специфических региональных условий наиболее эффективно развивались на Дальнем Востоке. На кооперативные общества возлагались функции по снижению цен на потребительские товары, вместе с тем кооперация использовалась как средство для ликвидации кулачества на Дальнем Востоке, роль которого в

¹ Берестенникова Е. А. Государственная политика в сфере кооперации на Дальнем Востоке России: Октябрь 1917-1929 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004.

региональной экономике была существенной. В то же время Е.А. Берестенникова выяснила, что практическая деятельность кооперативного сектора в Приморье, Забайкалье и Амурской области определена высокой степенью адаптации кооперативной формы ведения хозяйства к условиям Дальневосточного региона в переломные исторические периоды.

О.И. Шестак рассматривает различные аспекты социальной политики, проводимые государством на Дальнем Востоке в 20-30 гг. В своей диссертации¹ опираясь на теорию функционализма, автор рассматривает процессы коллективизации и индустриализации на Дальнем Востоке, выявляет региональные особенности этих процессов в сравнении с центральными российскими регионами. Исследование основывается на ранее неизвестных архивных материалах, включая недоступные прежде партийные документы и отчеты, статистические сводки. Автор оценивает социальное состояние сельского населения Дальнего Востока к началу 1923 г. как весьма разнообразное, что объясняет разновременностью водворения в регионе населения и различным укладом хозяйств отдельных его групп. В реализации социальной политики по отношению к крестьянству в 1920-е гг. автор выделяет два основных механизма государственной власти: реализация социальной политики через систему налогообложения и через социальное обеспечение, выделяя два этапа: на первом этапе – до 1925 г. где интересы крестьян полностью игнорировались, допускалась поддержка, в виде налоговых льгот беднейшим слоям деревни, с 1925 г., правительство модернизировало идеологию, предоставляя целенаправленную поддержку беднейшему крестьянству. В исследовании делается вывод, что в области социального обеспечения государство лишь обеспечивало соответствующую правовую базу для его регламентации, возлагая его финансирование на самих крестьян.

¹ Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: Владивосток, 2004.

Несколько иные вопросы вызвали научный интерес С.С. Цуканова, избравшего темой своего исследования деятельность Дальревкома.¹ Автор отмечает, что в деятельности Дальревкома политика первенствовала над экономикой, но это диктовалось сложной военно-политической и социально-экономической обстановкой. Автор диссертационной работы подробно рассматривает меры, проводимые Дальревкомом в целях расширения социальной базы в деревне, отмечая, что проводилась разъяснительная и агитационная работа, была снижена ставка продовольственного налога, проводилась агропропаганда, привлекались СМИ, наглядная агитация, организовывались сельскохозяйственные курсы, комитеты содействия Советской власти и кресткомы. Все это, по оценке автора, позволило добиться к началу 1925 г. некоторых успехов. Проведенная опись дальневосточных хозяйств выявила увеличение роста сельскохозяйственных машин, расширение применения новых технологий обработки земли, улучшение качества жизни селян, но, наряду с положительными сторонами, отмечался и острый недостаток зерна. Автор делает вывод, что в целом, Дальневосточному революционному комитету к концу 20-х гг. удалось привлечь на сторону Советской власти большую часть дальневосточного крестьянства.

В диссертационной работе Е. И. Денисевич² акцентировано внимание на таких вопросах, как становление советской бюджетно-налоговой системы на Дальнем Востоке в 1920-е гг., налоговая политика советского государства в отношении дальневосточного крестьянства. Особое место в диссертации отводится анализу бюджетного планирования на Дальнем Востоке в 20-е гг. Автор обращает внимание, что одним из главных направлений финансовой политики была налоговая работа и указывает, что, разрабатывая налоговую составляющую, советская власть опиралась не только на известный в тот

¹ Цуканов С. С. Деятельность Дальревкома по советизации и восстановлению народного хозяйства Дальнего Востока. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 260 с.

² Денисевич Е. И. Финансовая политика советского государства на Дальнем Востоке России: 1922-1930-е гг. Дис. ... канд. ист. наук: Владивосток. 2007. 232 с.

момент исторический опыт, но и приспособливала налоги для регулирования социальных отношений, используя для этого различные виды налогов: промысловый, подоходный и др. Особое место в налоговой системе в 1920-е гг. занимал промысловый налог. Ввиду значительной доли от промыслов, особенно в районах с неблагоприятным климатом, для Приморья это имело особое значение.

Проблемы, связанные с налогообложением, отражены в кандидатской диссертации Л.А. Лаврик¹ В работе анализируются формы стихийных протестов зажиточных и кулацких слоев против налога и отмечается, что их антисоветская направленность не приводила к открытым формам борьбы против Советской власти. Впервые освещается проблема организации в регионе беспартийных крестьянских союзов и групп, анализируются причины создания крестьянами таких союзов. Автор видит причину проведения налоговой политики жесткими административными методами в 1922-1924 гг. в одновременном процессе установления Советской власти в деревне и внедрением основных принципов нэпа при отсутствии широкой социальной базы власти в деревне.

В. Н. Караман рассматривает репрессии по отношению к крестьянству в дальневосточной деревне 1920-1930-гг., определяя их таким понятием, как геноцид². Автор оценивает причины репрессий против крестьянства, указывая на их отличия от причин общей репрессивной политики. Наступление на крестьянство было предпринято с целью поставить под прямой контроль государства всю сельскохозяйственную собственность. А значительное количество неучтенных посевов не позволяло государству в полной мере использовать весь сельскохозяйственный потенциал на экспорт. Отстранение крестьянина от контроля над землей, лишало крестьянство всякой

¹ Лаврик Л.А. Политические настроения дальневосточного крестьянства в годы новой экономической политики, 1922-1927 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.

² Караман В.Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2009.

возможности влияния на государственные структуры. Автор делает вывод, что налицо было стремление оказавшихся в результате революции у власти людей закрепить своё привилегированное положение и не дать возможности развиваться социальной мобильности общества. Таким образом, репрессивная политика в деревне ничего общего не имела с классовой борьбой и была лишь простым пропагандистским термином, лишённым какого бы то ни было реального содержания.

Актуализация изучения проблем 20-х годов в истории Дальнего Востока, появление значительного количества разноплановых работ в рамках данной тематики логично повлекли за собой и историографический их анализ. В 2006 г. была опубликована статья Л.И. Галлямовой¹, в которой отмечен рост интереса в научном сообществе к изучению крестьянства в региональной историографии, в частности, дальневосточной. Автор указывает, что в последнее десятилетие историческое исследование крестьянства на Дальнем Востоке заметно расширило тематическую палитру. В другой статье Л.И. Галлямовой² дается оценка современной историографической ситуации, дается высокая оценка огромному массиву накопленных фактов, документов, свидетельств и наблюдений, которые позволяют представить историю российского Дальнего Востока 1920-х гг. достаточно обстоятельно и глубоко. Делается вывод, что в настоящее время имеются серьезные предпосылки для написания комплексной, фундаментальной и объективной работы по истории Дальнего Востока СССР в эпоху нэпа.

Аграрно-исторические исследования, которые осуществлялись в нашей стране с 1920-х гг. по настоящее время, во многом коррелировались с общественно-политической обстановкой. Их результаты, неоднозначные на разных этапах, в целом дают представление о судьбе российской деревни и

¹ Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток в контексте новейшей отечественной историографии: картина последних лет. // Россия и АТР. 2006. № 2. С. 103-133.

² Галлямова Л.И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 55-71.

дополняют комплексную картину отечественной истории в советский и постсоветский периоды. Главное отличие современной историографии нэпа от перестроечной - отказ от чрезмерно оптимистических его оценок и переход на более объективное освещение различных его сторон, большее внимание к динамике нэпа, противоречиям складывающейся системы и ее эволюции, постановка таких вопросов, как возможность или невозможность изменения форм экономической политики в рамках одной и той же власти, содержание и хронологические границы сугубо нэповского в экономике и политике 20-х гг., кризисы нэпа и ряд других вопросов.

Советская и постсоветская историография по-разному рассматривали развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственного рынка на Дальнем Востоке и в Приморском крае, в частности. К числу главных особенностей в изучении данного периода можно отнести изменение методологических подходов к изучению нэпа, расширение источниковой базы и новое прочтение источников, качественную переоценку ключевых исторических событий, явлений и процессов, увеличение и тематическое обогащение исторических исследований.

В советский период основное внимание уделялось отношениям власти и крестьянства, налоговой политике и формированию доколхозной кооперации. Современная историография значительное внимание уделяет рассмотрению вопросов взаимодействия власти и общества в дальневосточной деревне, раскрывается взаимосвязь экономических и политических взглядов дальневосточного крестьянства 1920-х годов. Показаны разрушение рыночной мотивации крестьян и усиление потребительских настроений в деревне к концу новой экономической политики.

В постсоветский период были пересмотрены многие элементы новой экономической политики: землеустройство, переселенческая и налоговая политика государства; но ряд проблем не нашел достаточного освещения в региональной дальневосточной историографии. В имеющихся публикациях не в полной мере раскрыты особенности рынка сельскохозяйственной

продукции, деятельность сельскохозяйственной кредитной кооперации показана лишь фрагментарно. К настоящему времени недостаточно изучены аспекты рыночного развития, связанные со спецификой дальневосточных территорий, заключающейся в том, что Дальний Восток – это колонизируемый регион, аграрное развитие которого в предшествующий нэпу период, с одной стороны, определялось протекционистскими мерами правительства, с другой, – вследствие географического положения, естественным образом зависело от ситуации на рынках ближайших азиатских соседей.

Еще одной проблемой, требующей внимания, можно считать изменения в социальном расслоении общества и их последствия, которые привели к серьезным изменениям в общественной психологии и социальном укладе жизни. Особый интерес может представлять изучение взаимодействия различных социальных групп, в том числе национальных, по вопросам землеустройства и землепользования, а также политика органов власти, регламентирующая их отношения. В связи с этим представляется важным политологический анализ общественно-политической ситуации в регионе и крае, ее динамики и последствия принятия политических решений, отразившихся на положении в сельскохозяйственной сфере; социальной напряженности. Таким образом, назрела необходимость создания обобщающего труда как по историографии, так и по истории новой экономической политики в Приморском крае.

Глава 2. Особенности применения принципов нэпа к аграрному сектору Приморья

Новая экономическая политика начала реализовываться в Приморье, как и на всей территории Дальнего Востока, несколько позже, что было обусловлено более поздними сроками окончания Гражданской войны и присоединением ДВР к Советской России. Начавшиеся преобразования на вновь присоединенных территориях сразу же выявили их особенности, которые требовали обязательного учета при проведении новой экономической политики. В первую очередь это было связано с основными факторами производства, используемыми в процессе сельскохозяйственной деятельности, а именно трудовых ресурсов, земли, с учетом природно-климатических особенностей Приморья, оснащенности сельского хозяйства тягловой силой, капиталовооруженности. Без учета данных особенностей новая экономическая политика государства не могла бы быть успешной и привести к положительным результатам в сельскохозяйственной деятельности.

2.1. Основные факторы аграрного производства в Приморье в 20-е годы XX века

Приморье в начале 20-х годов представлял собой территорию с присущими ей географическими, климатическими и экономическими особенностями. Районирование Приморской губернии к 1924 г. определило ее положение в составе РСФСР: по пространству губерния заняла 6 место в ряду областей и губерний республики. В состав губернии вошли уезды: Посыетский – 384 072 дес., 48 населенных пунктов; Сучанский – 889 824 дес., 92 населенных пункта; Никольск-Уссурийский, включая Черниговскую область – 5 782 192 дес., 140 населенных пунктов; Иманский, включая Спасский район – 5 408 000 дес., 210 населенных пунктов; Ольгинский – 5 587 712, 89

населенных пунктов¹. Общая площадь Приморья по оценке специалистов составляла 480 930 кв. верст (или 513 056.124 кв. км. или 50 094 135,23 каз. дес.)². Как видно из отчета о состоянии землеустроительного дела в Приморской губернии за 1923/24 гг, до 1923 г. землепользование оставалось таким, каким оно было до революции. Из этого пространства вымежевано в отводы разных назначений 5 649 440 десятин, выделены в лесные дачи 4 675 245 десятин и определено как пространства, не имеющие назначения – 9,7 млн. десятин.³ Таким образом, зарегистрированных площадей насчитывалось 20,8% общей площади. На 79,2% земельной площади никаких съемок не производилось⁴. Дальнейшее расширение земельного фонда могло идти за счет путем перераспределения земельного фонда, имеющегося у местного населения, а также за счет осушения территорий и других мелиоративных работ. Из общего количества всех земельных отводов, 95,1% отведено для нужд переселенцев, причем 17,4% отводов оставались до 1924 г. незанятыми или занятыми не полностью.⁵

В земельных отводах к началу 1923 года бывшие казаки имели 1 075 214 дес., старожилы-стодесятинники – 1 462 799, новоселы – 1 731 082, корейцы и «туземные» народы – 64 622 дес.. При этом избыток земель наблюдался у казачества и старожилов, дополнительные земли требовались для эффективного хозяйствования новоселам и корейцам.⁶ Как можно увидеть из таблицы 1, значительные земельные территории были выделены под сенокос и под пашни, значительно меньший объем земель был занят под приусадебные участки и выгоны; в промысловой зоне выделенные под пашню участки были совсем незначительны.

¹ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об.

² Люди и порядки за Уралом // Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 43.

³ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1, Д. 7. Л. 2.

⁴ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С.16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1, Д. 7. Л. 2.

Распределение земельных угодий к 1923 г., %

Категория земель		Земледельческая зона (в%)	Промысловая зона (в%)
пашня		12,3	0,1
сенокос		16,1	17,3
выгон		5,5	0,1
усадьба		1,2	0,2
лес		20,7	44,9
полуоткрытые места		34,9	2,0
всего	удобные	90,7	65,5
	неудобные	9,3	34,5

Составлено по: Отчет о состоянии землеустроительного дела в Приморской губернии. ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1, Д. 7. Л. 2.; Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С.17.

В Приморье крайне разнообразны климатические и почвенные условия, распределение лесов и залегание недр. В процессе статистического обследования территория Приморья была разбита на 7 зон (районов) с различными природно-климатическими условиями. Наиболее значимой в сельскохозяйственном отношении была выделена 4-я зона - земледельческая, охватывающая всю приханкайскую низменность, бассейн левых притоков р. Уссури до селений, тяготеющих к г. Никольск- Уссурийск, и 6-я зона, южно-подгородная, тяготеющие к Никольск-Уссурийску, Владивостоку, Раздольному, Барабашу, Посъету, Шкотово.¹ На данной территории сложилась достаточно прогрессивная система землепользования, близкая к многополью с чередованием культур. В Приморье в первый год обычно сеяли гречиху, которая способствовала очистке почвы от сорных трав, во второй год – пшеницу или овес, третий и четвертый – пшеницу, пятый и шестой – овес. После овса пашня переходила в категорию залежных земель или продолжала

¹ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С.17.

засеваться пшеницей и овсом, перемежающихся гречихой.¹ Значительное влияние на формирование многопольности в технике обработки земли оказала корейско-китайская грядковая культура: в русских хозяйствах в Приморье стали использовать прополку, введение в севооборот технических культур, особенно бобовых. Соя или китайские бобы способствовали накоплению в почве азота, что препятствовало быстрому истощению почвы и способствовало снижению в некоторой степени потребности в удобрениях; соевые бобы также являлись ценным товаром, высоко котирующимся на хлебной бирже и, следовательно, легко находящим сбыт и вне Приморья.²

За время войн и революций, разрушивших сложившиеся экономические механизмы и связи, стали заметны отрицательные явления в землепользовании: произошло весомое сокращение посевных площадей и рост залежи. Это явление было характерно для всего Дальнего Востока, Приморье оно затронуло в меньшей мере и выразилось в колебаниях в размерах посевных площадей. Чтобы оптимизировать использование земли с 1922 года была введена практика изъятия излишков за счет государственных средств и перераспределения ее среди новоселов и корейского населения. Проблемой стало отсутствие средств у данных категорий (новоселов и корейцев) при наделении их землей. Для организации землеустроительных работ в 1923 г. было получено из местных средств 34 000 руб. по госбюджету 8 000 руб. В 1924 г. 47 000 и 9 400 руб.; в 1925 г. – 44 000 и 23 000 руб. В 1923 г. был сформирован отряд из 18 землемеров, 4 землеустроителей в помощь штатному отряду отдела землеустройства – 5 землемеров и 2 землеустроителя, которые проводили работы в Никольск-Уссурийском, Владивостокском, Спасском уездам.³

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 95.

² Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С. 19-20.

³ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1, Д. 7. Л. 2 об.

Как следует из таблицы 2, до середины 20-х годов не удалось добиться восстановления посевных площадей в объемах 1917 года, в 1922 году она сократилась до 86,7% от прежнего размера, показав максимальное сокращение в 1924 году – более чем на 30%.

Таблица 2

Изменение посевных площадей в Приморской губернии
за десятилетие, 1916 -1925 гг.

Годы	1916	1917	1922	1923	1924	1925
Размер посевной площади (в тыс. десятин)	277,0	294,0	255,0	277,8	233,4	247,9

Составлено по: Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 97.

Сложность в развитии сельского хозяйства в Приморье проявилась и в перераспределении объемов посевных площадей по уездам: сокращение произошло за счет 2-х уездов – Никольск-Уссурийского и Спасского. Владивостокский и Хабаровский уезды наоборот дали увеличение посевных площадей. За исключением Посыетского района, все остальные районы и уезды дали резкое сокращение площади сенокоса. Это можно расценивать как отход от прежней ориентации губернии на снабжение армии необходимым фуражом. Районы распределения культур также несколько видоизменились, а вместе с тем понизилось значение Никольск-Уссурийского уезда, как центра земледелия, т.к. районов культур происходило за счет названного уезда. Т.н. китайские культуры как по району своего изменился не только объем посевных площадей, но и высаживаемые там растительные культуры. Имеющие товарное значение пшеница и овес уступали место культурам, ориентированным в основном на потребление: ржи и гречихе, а также, чумизе

и пайзе, посевы которых сосредоточились в Посьетском и Сучанском районах, а затем в Никольск-Уссурийском уезде¹.

Еще одной особенностью развития земледелия Приморья в 20-е годы явилось ведение его двумя группами: европейцами (русскими и украинцами) и азиатским населением (корейцами). Эти две земледельческие группы различались кардинальным образом по нескольким параметрам: по характеру культивируемых хлебных злаков, обеспеченностью земель и техникой обработки земли².

На землях Приморья, занятых для сельского хозяйства переписью 1917 г. зарегистрировано 59 559 хозяйств с населением 344 513 душ обоего пола (мужчины - 185 763, женщины – 158 750)³. Предварительные итоги переписи 1923 г. в части уездов (Владивостокский, Никольск-Уссурийский, Спасский, Хабаровский, Николаевский-на-Амуре) показали прирост населения примерно на 18%, при параллельно происходящем процессе дробления хозяйств и снижения их мощности. Как видно из таблицы 3, представленной ниже, количество едоков в среднем на одно хозяйство сократилось на 12%.

Таблица 3

Изменение количественного состава населения в 1917 и 1923 гг., чел.

Категории населения	1917 г.	1923 г.
Мужчины	185 763	220 281
Женщины	158 750	199 448
Всего	344 513	419 727
В среднем на хозяйство	6,06	5,36

Составлено: Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи. // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 4.

¹ Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи. // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 18.

² Кремянский С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 4. С. 38.

³ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2. С. 18.

Рост населения в 1917–1923 гг. происходил неравномерно: количество европейцев выросло на 10,61%; азиатского населения – на 81,79%, в основном за счет корейцев. Китайцы оседали преимущественно в городах, корейцы размещались в основной массе в сельской местности (94,6 тыс. в селах, 11,1 тыс. в городах). Основная часть прибывающего азиатского населения была земледельческой.¹ Наиболее распространенным желтый труд (корейцы) был в южных районах Приморья (Никольск-Уссурийский и Владивостокский уезды). Районы со значительным количеством корейских хозяйств следующие: Гродековский – 35,6% от общего количества хозяйств, Покровский – 42,6%, Суйфунский – 48,2%, Посыетский- 89,9%, Шкотовский – 25%, Сучанский – 49,9%.² Проявившаяся к 1923 г. тенденция продолжалась и в последующие годы. В 1925 г. корейской посевные площади корейцев составляли 36 835 дес. или 18,6% всей площади, а в 1926 г. – 47 052 дес. или 20,4% всей площади, одновременно посева увеличились на 22%.³ Как показывают данные таблицы 4, в наибольших объемах увеличивалась площадь земельных наделов европейского населения.

Таблица 4

Движение населения в Приморье во 2-й половине 20-х годов

Показатели	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
Всего сельского населения	388,3	412,8	440,0	464,7
Европейцев	252,2	260,9	373,5	388,1
Китайцев	124,3	137,7	150,6	159,9
Корейцев	11,8	14,2	15,9	16,7
Всего населения	552,3	579,9	613,7	645,7

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р 1. Оп. 1, д. 927, Л.1; Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 2.

¹ Кремянский С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 4. С. 32.

² РГИА ДВ. Ф. Р - 37, Оп. 1, Д. 143. Л. 59.

³ ГАПК. Ф. Р – 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

При общем росте крестьянских хозяйств, рост корейских хозяйств проходил значительно быстрее (таблица 5) и к 1929 году превысил на 1/3 показатели 1923 года. Это было связано, в первую очередь с политикой лояльности, которую проводили местные власти по отношению к азиатской рабочей силе. Во многом прирост корейской рабочей силы объясняется и возможностями увеличения земельных наделов более чем в 2 раза по сравнению с имперским периодом. Несмотря на то, что средний надел азиатского населения был почти в половину меньше, чем у европейского населения, он был достаточен для эффективного ведения хозяйства. Однако, изменение государственной политики в сельском хозяйстве, курс на коллективизацию кардинальным образом отразился на приросте азиатских хозяйств: с 1929 года отмечается отсутствие, а потом отрицательный их прирост.¹

Таблица 5

Соотношение европейских и азиатских хозяйств в 1917 – 1930 гг.

Год	Число хозяйств			Прирост хозяйств	Средняя площадь на одно хозяйство (в гектарах)		
	Всего	европейских	азиатских		Всего	европейских	азиатских
1917	43 443	34 543	8 900	-	6,32	-	-
1923	58 903	42 439	16 464	+ 35,58	4,30	5,26	1,24
1925	62 820	43 331	19 489	+ 6,64	3,86	4,48	2,50
1926	64 986	43 791	21 195	+ 3,44	4,30	5,03	2,80
1927	68 296	44 631	23 665	+ 5,09	4,38	5,22	2,81
1928	69 529	45 391	24 138	+ 1,80	4,41	5,24	2,84
1929	70 303	46 165	24 138	+ 1,10	4,67	5,61	2,87
1930	70 850	46 953	23 397	+ 0,77	4,98	6,04	2,89

Составлено по материалам Владивостокской окружной плановой комиссии // РГИА ДВ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 6 об., Л. 6 а.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 6 об

Средняя посевная площадь русского крестьянского хозяйства за десятилетний период составила 4,53 дес., что позволяет выделить следующие группы по обеспеченности его посевной площадью и удельный вес этих групп:

Таблица 6

Классификация крестьянских хозяйств по обеспеченности
посевными площадями

Средняя посевная площадь	Русского крестьянского хозяйства	Средняя посевная площадь	Корейского крестьянского хозяйства
1) до 1 десятины	11,4%;	1) до 1 десятины	29,1%
2) от 1,1 до 5 десятин	26,2%	2) от 1,1 до 2 десятин	28%
3) от 5,1 до 7 десятин	44,8%	3) от 2,1 до 4 десятин	29,1%
4) от 7,1 до 16 десятин	16,6%	4) от 4,1 до 8 десятин	11,5%
5) свыше 16 десятин	1%	5) свыше 8 десятин	3,5%

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

Средняя обеспеченность посевом русского крестьянского хозяйства, как видно из таблицы 6, составляла 4,53 дес. Для корейских хозяйств при средней обеспеченности в 2,35 дес. характеристики другие. Хозяйства с посевом выше 16 дес. насчитывали лишь 1%. В корейских – высшая посевная группа начиналась с посевов выше 8 дес.¹ При этом, в русских хозяйствах большинство имело площадь от 5,1 до 7 дес. пахотной земли, им соответствовала группа корейских хозяйств с площадью земельных наделов от 2,1 до 4 дес. Соотношение полезных культур значительно различалось как у русских и корейцев, так и в различных посевных группах у тех и других. Посевная площадь далеко не одинаково распределялась по отдельным культурам в различных по мощности хозяйствах. У русских с малой посевной площадью преобладали продовольственные культуры: рожь и картофель; в

¹ РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л.2 об.

группах с большим посевом увеличивалась доля товарных культур – пшеницы, льна, бобов. Рожь занимала 2-е место в хозяйствах первого типа (с посевом не более 1 дес.), ей отводилось 18% посевной площади. Основа же продовольствия у бедняков – картофель, занимавший до 21% площади. Рожь – преобладающая посевная культура в хозяйствах первого – четвертого типов (до 16 дес. посевной площади), уступающая свое место пшенице лишь в группе хозяйств пятого типа (свыше 16 дес.). Пшеницу засевали тем больше, чем крупнее по мощности было хозяйство. В хозяйствах первого типа под пшеницей засевали 9% посевной площади, в хозяйствах с площадью более 16 дес. пашни пшеница занимала более 28%.¹ Таким же образом изменялась доля кормовых культур – овса и ячменя – чем крупнее хозяйство, тем большая часть посевной площади отводилась под эти культуры. Гречиха одинаково была распространена во всех хозяйствах с некоторыми уменьшениями в крайних группах. Товарные культуры – лен и бобы занимали небольшое место среди прочих культур, но производство их хотя и слабо, возрастало вместе с увеличением мощи хозяйств. У малопосевных под бобы было занято 4,6 посевной площади, у многопосевных – 9,2%; льна у малопосевных – 1%, у многопосевных – 4,2%. Кукуруза имела значение в хозяйствах 1-го и 2-го типа (с посевной площадью до 3 дес.) и весьма в небольшом количестве встречалась в крупных хозяйствах. Картофель – продовольствие бедняков и занимал в малопосевных хозяйствах свыше 1/5 посевов.² Чем группа сильнее, тем все меньшую долю занимал картофель в общем объеме посевных площадей и в крупных хозяйствах ему отводилось всего лишь 1,5% посевной площади. У корейцев в малопосевных группах преобладали продовольственные и товарные культуры – чумиза, пайза, рис и кукуруза; в многопосевных – бобы, чумиза, пайза, овес и ячмень. У корейцев главными полеводческими культурами были чумиза и пайза, занимающие в хозяйствах 1, 2 и 3 типа (до 4 дес.) 1/3 посевной площади. В хозяйствах 4 и 5 типа (свыше 4 дес.) – около ¼.

¹ РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. д. 151. Л.3.

² Там же.

Второе место по значимости у корейцев занимали бобы. Хозяйства 1 типа (до 1 десятины) засевали ими 18% посевной площади, 2 типа (от 1 до 2 дес.) – 20%, и хозяйства 3 типа и 4 типа (от 2 до 8 дес.) – около 24%. К 1927 г. корейские хозяйства засевали рисом 7 536 дес. и бобами 10 082 дес.¹ Посевы кукурузы имели значение в мелких корейских хозяйствах, где кукурузой было занято свыше 14% посевной площади; с увеличением мощности хозяйств значение кукурузы уменьшалось. В крупных хозяйствах кукурузой занимали всего 6,7%. Рис преимущественно засевался в мелких хозяйствах, где он занимал около 14% посевной площади. Овес и ячмень – культуры преимущественно многопосевных хозяйств; мелкие хозяйства оставляли за ними около 2,5% посевной площади, а хозяйства, засевающие свыше 4 десятин, отводили под эти культуры 15%. Остальные культуры особого значения в корейских хозяйствах не имели.²

Таким образом, наибольшие товарные изменения давали хозяйства с большой посевной площадью, причем, русские хозяйства по всем посевным группам имели меньший процент излишков по всему товарному сбору, чем корейские хозяйства. В частности, все корейские хозяйства с посевом до 3-х десятин имели значительные товарные излишки, когда как у русских таких излишков не имелось.³

Доход от 1 дес. посевной площади значительно колебался в зависимости от соотношения культур в различных посевных группах у русских и у корейцев. Средняя доходность 1 дес. посевов в русском хозяйстве составляла 17,2 руб., а всей площади посевов 78,1 руб.; в корейском же хозяйстве 31,3 и 73,5 руб., соответственно. У корейцев, как и у русских, доходность от одной десятины падала по мере возрастания посевной площади. Средний доход от полеводства составлял у русских хозяйств (принято за 100) группа с посевом до 1 дес. русские 100 – корейские – 144,7; с посевом до 8

¹ ГАПК. Ф. Р – 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

² РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л.3.

³ Там же. Л. 1.

дес.: русские – 100, корейские – 161,6.¹ В группах малопосевных доходность с десятины была больше, чем в группах многопосевных, так как значительная площадь отводилась под картофель, повышающий общую доходность полеводства в этих группах; вместе с тем, с возрастанием посевной площади увеличивались посевы овса, которые уменьшали доходность многопосевных групп. Доходность от рисосеяния определялась размером и качеством земельной площади, засеваемой рисом.² То есть, в русских хозяйствах, имеющих небольшую посевную площадь, баланс был отрицательный и общая масса хозяйств этого типа вынуждена была покупать продукты полеводства за счет доходов от других статей. У корейцев малопосевная группа хотя и имела товарные излишки, но значительно меньшие, чем хозяйства с большой посевной площадью. Как свидетельствуют данные таблицы 7, среднепосевные по всем культурам имели: у русских – небольшой товарный излишек, корейские хозяйства выставляли на рынок уже более половины условно-чистого сбора. Многопосевные русские хозяйства обладали большими товарными излишками, корейцы же до $\frac{3}{4}$ условно чистого сбора

Таблица 7

Доход от полеводства в зависимости от размера посевных площадей
по состоянию на 1925 г.

Группы (по размеру посевных площадей)	Доходность по национальным группам	
	Русские	Корейцы
От 1 до 3 десятин	100	100
От 3 до 8 десятин	330	254
От 8 десятин и выше	715	550

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л.3. об.

Размер семьи возрастал вместе с увеличением посевной площади как у русских, так и у корейцев, причем у русских размеры между крайними группами проявлялись резче, чем у корейцев. Чем больше семья, тем большая

¹ РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л.8.

² Там же. Л.3. об.

площадь земли должна быть обработана. С ростом рабочей силы, увеличивалась и мощность хозяйств. Принимая мужчину работника за единицу, а женщину-работницу за 0,8 единицы, переведя всю рабочую силу в единицы, можно определить среднее количество единиц на одно хозяйство. (см. таблицу 8)

Таблица 8

Численность семьи в сопоставлении с размерами
посевной площади (в десятинах)

Десятин на души обоего пола в хозяйстве	Группы национальные	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
	русские	3,0 -3,9	4,6 – 5,2	5,8 – 7,0	7,5 – 9,0	10,37
	корейцы	4,4 – 4,9	5,8	6,6 – 7,0	7,7 – 8,4	9,36
Единицы рабочей силы на хозяйство в среднем	русские	1,59 – 1,74	1,81 – 2,00	2,33 – 2,48	2,89 – 3,18	3,81
	корейцы	1,40 – 1,95	2,34	2,54	1,90 – 2,88	3,17

Составлено по: РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 4 об.

По среднему составу семьи можно полагать, что хозяйства маломощные чаще всего еще не окрепшие, но выросшие до большого состава семьи, в то время как хозяйства мощные представляли собой старые многолюдные семьи. В наиболее мощных хозяйствах рабочая сила семьи использовалась более продуктивно, чем в хозяйствах мелких.¹

Продуктивность сельского хозяйства напрямую зависела от обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем. Согласно переписи населения 1923 г. среднее крестьянское хозяйство по дальневосточной области сократило свою посевную площадь на 47%, число скота на 34%, инвентаря – на 31%. Приморская губерния сократила площади посева менее, чем на 25%, обеспеченность скотом (лошадьми) сократилась на 18%,

¹ РГИА ДВ. Ф. Р – 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 5.

инвентарём – на 30%.¹ Показатели таблицы фиксируют низкую степень обеспеченности средствами производства связана с занятием промыслами в Николаевском, Хабаровском и Владивостокском уездах, что связано с тем, что они имеют очень высокую степень промысловости.

Таблица 9

Соотношение основных средств производства к крестьянскому хозяйству по Приморской губернии, включая Николаевский и Хабаровский уезды в сравнении с Дальневосточной областью в целом (по итогам переписи 1923 г.), в шт.

Единицы измерения	Приморская губерния	Дальневосточная область	Из них в Николаевском уезде	Из них в Хабаровском уезде
Всего в переводе на плуг	122 413	387 345	161	6 170
На 100 работников	74	89	3	33
На 100 единиц скота	124	103	8	56
На 100 десятин пашни.	35	28	36	32

Составлено по: Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 85.

Обеспеченность техникой 1923 г. по Приморской губернии была следующей: механических двигателей 180, на 1 двигатель приходилось 435 крестьянских хозяйств, крестьянских промышленных заведений 125 из 232 по Дальневосточной области.²

К 1929 г. в хозяйствах без посева и с посевом до 1 дес. около 4/5 хозяйств не имели вообще никаких пропашных орудий. На 100 таких хозяйств приходилось от 17 до 37 штук сох, косуль и сабанов, более совершенных

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С.50.

² Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С.71.

плугов - 2 на 100 хозяйств. Имеющих усовершенствованный инвентарь хозяйств было совсем немного: на каждые 100 хозяйств 0,8 сеялки, 1 жнейка, 0,7 сенокосилки, 0,4 конных граблей, 2,3 веялки и 0,5 куколеотборнков. (Возможно, часть хозяйств отделилась от крупных, получив некоторый инвентарь).¹

Таблица 10

Количество и стоимость оборудования и сельскохозяйственных машин (по довоенным ценам) по итогам переписи 1923г. Приморской губернии

Тип орудия	Кол-во, единиц	Стоимость, руб.	Общая сумма, руб.	Лет службы,	Изменение количества в % по губернии	Изменение количества в % по Дальне восточной области
Плуги с одним лемехом	34 235	32	1 095 520	5	97,8	90,2
Плуги с двумя лемехами	136	50	6 800	5		
Сеялки	492	200	98 400	6	95,3	90,2
жатки	6 935	210	1 456 350	6	98,0	89,5
молотилки	2 107	1200	2 528 400	8	138,5	108,1
веялки	5 955	50	299 750	6	72,1	62,1
Сенокосилки конные	1 338	225	301 060	5	128,8	110,2
Всего	5 786 270					

Составлено по: Чебоксаров Н.И. Основные элементы хозяйственного баланса Приморья (Первый ориентировочный баланс) // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 29 - 30; Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 83.

В группах хозяйств 2 типа встречаются до 1/3 не имеющих пропашных орудий. На каждые 100 хозяйств приходилось 2 с лишним жнейки, небольшое количество сенокосилок, конные грабли – 1,5 на 100 хозяйств, веялок до

¹ РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 6 об.

2,75%.¹ В группах хозяйств 3 типа процент хозяйств без пропашных орудий падает с 17% до 3%, сохи и косули встречаются реже. Чаще хозяйства обеспечены плугом, борона железная имеется у каждого хозяйства, в необходимом количестве встречаются сеялки – 1,75 на 100 хозяйств. Число жнеек возрастает с 8 до 31 на 100 хозяйств; сенокосилок от 4 до 9, конных молотилок 4, веялок с 7 до 16.² В группах 4 типа хозяйства без пропашных орудий – редкое явление. От 0 до 4% по различным посевным группам. Сохи и косули хотя и встречаются в пределах от 2 до 41 на 100 хозяйств, уступают место плугам, которые насчитываются от 99 до 109 на 100 хозяйств. Борон имеется от 133 до 139, сеялок от 3 до 6, жнейку имеет почти каждое 2-е хозяйство, сенокосилки имеются почти у 25% хозяйств, молотилки 1 штука на 10 хозяйств; веялки и сортировки у каждого 3-го хозяйства. В группах 5 типа хозяйств без пропашных орудий вовсе нет, сохи и косули, сабаны встречаются в одиночных случаях, зато обеспеченность плугами доходит до 1,5 на хозяйство, бороны имеются 2,2, сеялок 0,2 штуки, жнеек - 0,5, сенокосилок 0,5, молотилок до 29 на 100 хозяйств.³ В корейских хозяйствах у 1 типа хозяйств около 70% вообще не имеют пропашных орудий, а также и другой. Достаточно сложной техники. Так, жнейки сеялки появляются только в зажиточных и многопосевных хозяйствах. В группах 4 и 5 типов хозяйства без пропашных орудий почти не встречаются. Плуги и буккера хотя и встречаются в пределах от 7 до 23 на 100 хозяйств, уступают место сохе и косули, которые насчитываются от 84,9 до 100 на 100 хозяйств. Жнейки встречаются в корейских хозяйствах крайне редко и представлены только в 4 группе: 4,6 на 100 хозяйств.⁴

На продуктивность земледелия в значительной мере влияла обеспеченность скотом как основной в изучаемый период тягловой силой.

¹ РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 6 об.

² Там же. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 7.

Перепись 1923 г. показала, что количество скота в общей массе по сравнению с 1917 годом изменилось, на 17,21%. уменьшилось. В значительной мере это коснулось поголовья свиней - их количество уменьшилось на 31,6% по всем уездам, кроме Ольгинского – там произошло увеличение на 6,23%. Количество лошадей увеличилось, а средняя норма их на хозяйство понизилась.¹ В 1917 г. на одно хозяйство приходилась в среднем 9,34 голов всех животных, в 1923г. поголовье составило 6,62, т. о. каждое хозяйство потеряло за истекшее шестилетие 2,72 голов скота (на 1/3 за счет сокращения количества лошадей и крупного рогатого скота).² Как видно из таблицы, нагрузка на одну лошадь несколько уменьшилась в неземледельческих уездах и увеличилась там, где основной доход приносили зерновые культуры.

Таблица 10

Нагрузка пашни на лошадь по Приморской губернии
в сравнении 1917 и 1923 гг., десятин

Уезд	1917	1923
Николаевский	0,3	0,2
Хабаровский	1,6	1,9
Спасский	3,8	3,2
Никольск-Уссурийский	5,0	5,2
Владивостокский	2,1	1,6
Всего по губернии	3,7	3,4

Составлено по: Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 74.

К 1927 г. среди групп с посевной площадью до 1 дес. вообще без скота насчитывалось 17–36% хозяйств, среди хозяйств 2-го типа с 6 до 2%, среднепосевные хозяйства без скота встречались очень редко, в хозяйствах 4-го и 5-го типа таковых вообще не наблюдалось. У корейцев животноводство было развито слабее, чем у русских.³ Необходимо иметь ввиду, что у русских хозяйств основным рабочим скотом были лошади и волы, в то время как у

¹ Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи. // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 4-5.

² Там же. С. 6.

³ РГИА ДВ Ф. Р 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 5 об.

корейцев в одинаковой степени в работу шли лошади, волы, быки и коровы. При расчёте рабочей силы лошадь принималась за единицу, а волы, быки и коровы за 0,5 рабочей единицы. В русских хозяйствах 1-го типа среднее количество единиц рабочего скота не превышало 0,52 единиц, преобладающими являлись хозяйства без рабочего скота – 60-80%, имеющих лошадь всего 18 – 36%, число хозяйств, имеющих более 1 рабочей единицы было невелико. В хозяйстве 2-го типа средняя обеспеченность рабочим скотом колебалась в интервале 1,15 – 1,45 единиц; количество безлошадных составляло до 18 – 10%, одну единицу имело большинство хозяйств; 45 – 51% с двумя единицами, около 1/3 хозяйств более 2 единиц. В группе 3-го типа средняя обеспеченность колебалась в пределах от 1,66 до 2,12 рабочих единиц. Хозяйства этого типа преимущественно имели 2 рабочих единицы 17 – 36%, с тремя – 9 – 21%, 4 и более – от 2% до 6% хозяйств. В хозяйствах 4-го типа средняя обеспеченность составляла 2,2 – 2,42% рабочих единицы на одно хозяйство. Хозяйства, не имеющие рабочего скота среди них – случайность, наибольшее число приходилось на имеющих 2 рабочие единицы; число имевших 4 и более от 2,8 до 7%.¹ В хозяйствах 5-го типа приходилось в среднем 3,53 рабочих единицы. Не имеющих рабочего скота среди них и вовсе не было. Крайне незначительным было число имеющих одну единицу, около половины располагали 4 и более единицами на хозяйство. Возрастание обеспеченности рабочим скотом у корейцев шло также как в русских хозяйствах. В хозяйствах 1-го типа у русских от 42% до 58% не имели вовсе коров, в хозяйствах 2-го типа основную массу составляли имеющие 1 корову – примерно 58%.² В хозяйствах середняцкого 3-го типа около половины имели 1 корову, 1/3 – 2 коровы. Хозяйства 4-го типа преимущественно имели 2 коровы, в хозяйствах 5-го типа 2 коровы имеют 34%, 29% - 3 коровы, 32% - 4 коровы и более.³ Количество скота в корейских хозяйствах постепенно

¹ РГИА ДВ Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 151. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. Л. 6 об.

увеличивалось, так к 1927 г. корейское население имело скота 13 123 головы, из них рабочих – 9 825; рогатого скота – 21 527 голов, из них рабочих волов 3 231, рабочих быков - 9 222 и рабочих коров – 7 466 и свиней 30 762 шт.¹ Доходность от рабочего скота определялась по стоимости обработки земли пропашных культур при цене обработки 19 руб. 80 коп. за 1 дес., непропашных культур при цене 16 руб. 80 коп. за дес. Доход от прочих работ скота в домашнем хозяйстве исчисляется из расчета, что этот доход равен 25% дохода от полеводства, с учетом расходов на корм.² Доходы от молочной коровы со скидкой на яловость, болезни и т.д. составляли примерно 40 руб. 02 коп. От мяса и кож они напрямую зависели от размера посевной площади. Так, в группах до 1 дес. доход у русских – 3 руб. 40 коп., у корейцев – 3 руб. 86 коп. При увеличении посевной площади до 5 дес., он возрастал до 26 руб. 32 коп. и 18 руб. 95 коп., соответственно. С увеличением посевной площади до 8 дес. в обеих группах, у русских доходность составляла 36 руб. 39 коп, у корейцев – 19 руб. 93 коп. В хозяйствах (русских, корейских таких нет) свыше 16 дес. доходность от мяса и кож составила 63 руб. 04 коп.³ Удельный вес сельского хозяйства по сравнению с другими видами доходов в Приморье изначально был выше, чем в целом по Дальнему Востоку. Среди общего объема, доходы от сельского хозяйства по Приморской губернии составили $\frac{2}{3}$, в то время как по Дальневосточной области они занимали в среднем $\frac{3}{4}$. По Приморской губернии доля доходов от сельского хозяйства составляла к середине 20-х годов 65,5%, от лесных промыслов - 13,3%, морских промыслов – 17,2%, прочее занятия приносили 4% доходов.⁴ Заработок рабочего на сельскохозяйственных работах в среднем для округа составлял 51 коп. в день. По промысловым занятиям расценки были следующие: возка дров оценивалась в 88 коп., возка продуктов на прииски – 3 руб. 08 коп. Лесные

¹ ГАПК. Ф. Р- 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

² РГИА ДВ. Ф. Р 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 8 об.

³ РГИА ДВ. Ф. Р 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 9.

⁴ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 54.

заготовки – 1 руб. 29 коп., сплав леса – 1 руб. 45 коп., выжег угля, гонка смолы – 56 коп., сбор орехов – 1 руб. 12 коп. Охота приносила доход в 83 копейки, рыболовство – 1 руб. 18 коп. Средневзвешенный заработок по всем видам промыслов оценивался в середине 20-х годов в 95 коп. В 1926 г. по данным окружного финансового отдела доходность сельского хозяйства от полеводства, животноводства, рисосеяния, луговодства, пчеловодства и внеземледельческих заработков составила сумму 10 422 109 руб., а проектируемая на следующий год доходность – 14 374 470.¹ Из них значительное количество составили пчеловодческие хозяйства – 11 773.

Таблица 11

Доходы от промыслов сельского населения Приморской губернии, руб.

По губернии число хозяйств			
Сельское население	С промыслами	Заработок одного хозяйства	Общий заработок
Европейское	14 320	183	2 620 560
Азиатское	5 576	130,6	728 226
Всего	19 806	168,8	3 358 445

Составлено по: Кремянский С.Е. Промысловость сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №8. С. 11.

Прочие 8 611 хозяйств были представлены рыболовецкими хозяйствами – 5 623 хозяйства, ремесленными промыслами было занято 2 016 хозяйств.²

Важным показателем активности сельскохозяйственной деятельности являлась аренда земли. В Приморской губернии арендаторами земли выступали не только маломощные крестьяне, зачастую арендаторами становились целые общества. Крестьяне-старожилы использовали аренду для повышения товарности своего хозяйства и получения дополнительных участков для обогащения.³ Значительная часть корейцев, проживающих в Приморье являлась арендаторами. Доля посевов на арендованной земле в 1917

¹ РГИА ДВ. Ф. Р 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 9.об.

² Кремянский С.Е. Промысловость сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №8. С. 4.

³ Проскурина Л.И., Лыкова Е.А. Деревня российского Дальнего Востока в 20 - 30-е годы XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004. С. 23.

г. была второе больше, чем в Забайкальской губернии. К 1923 г. аренда сильно сократилась. Большое значение аренда сохранила и даже увеличила во Владивостокском уезде (см. таблицу 12) в связи с усилением иммиграции сюда корейцев. Как видно из таблицы, ее прирост составил более 100%.

Таблица 12

Распространение аренды во Владивостокском уезде в 1923 г.

Категории населения	Пашня во владении(в дес.)	Пашня в пользовании (в дес.)	% чистой аренды
Русские	31 985	29 762	- 7,0
Корейцы	7 082	14 561	+ 105,6%

Составлено по: Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. № 11-12. С. 74.

К началу 20-х годов уже вполне явно проявлялась тенденция – аренда чем южнее, тем была больше. 26% в Никольск-Уссурийском уезде, 37% во Владивостокском уезде.¹ При этом получение и сдача пашен в аренду у русских не являлась показателем мощи или слабости их хозяйств, тогда как у корейцев сдача пашни в аренду была возможна лишь в старожильческих крепких хозяйствах.² Процент арендующих землю хозяйств у русских достигает 7,8%. Аренда пашни у русских была распределена почти одинаково во всех хозяйствах, с некоторым уменьшением в среднепосевных.

Корейцы, в большинстве недавние переселенцы, не имея наделной земли, пользовались преимущественно арендованной землей и почти 50% из них были арендаторами. Особенностью аренды в Приморье являлась сдача земельных участков корейским крестьянам бесплатно «под бобы», в целях восстановления плодородия почвы. Некоторая часть корейцев, не имея земли и средств для её аренды, вынуждена была заниматься промыслами, идти в

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С 36.

² РГИА ДВ Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

батраки.¹ Развитию корейского хозяйства способствовала землеустроительная работа, наделившая безземельных корейцев за 5 лет (1923- 1927 гг.) землей в размере 75 479 дес.² Корейцы зачастую не соблюдали порядка пользования земельным фондом, заняв на тех или иных основаниях земельный участок, старались сохранить его за собой, не считаясь ни с какими обстоятельствами. На крестьянских отводах, по окончании срока аренды, не освобождали участки, пока домохозяин или сельское общество не принуждали их к этому путём репрессивных мер. Земли государственного фонда занимались корейским населением зачастую самовольно, по собственному выбору, без учёта предназначения этой земли.³ Несмотря на все трудности к концу 1920-х гг. земельный вопрос с корейскими иммигрантами частично был решён. Более половины безземельных и малоземельных корейских крестьянских хозяйств получили земельные наделы. Арендовали корейцы и земли государственного фонда, на которых хозяйственные органы местных исполкомов советов строили ирригационные системы для рисосеяния. Здесь условия аренды были мягче, обычно из доли 25 – 30% урожая.⁴

У корейцев аренда земли заметно падала в группах с большой посевной площадью. Это объясняется тем, что мощные хозяйства корейцев в большинстве были старожильческими, имеющими в большинстве своем надельную землю, в то время как маломощные – новосельческие. Сдача пашни в группах у русского населения была распространена почти одинаково, у корейцев процент сдающих пашню наиболее высок был в группе беспосевной, составляя 34,6% всех хозяйств в группе; малопосевных и среднепосевных процент сдающих пашни был невелик – 3,8–8,1%. Но в группах с большой посевной площадью сдача земли в аренду приобретала значительные размеры, доходя в группе с посевной площадью в 7-8,5 дес. до 22%.⁵ Аренда же

¹ РГИА ДВ Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 151. Л. 3 об.

² ГАПК, Ф. Р- 86. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-1506. Оп. 1. Д. 17. Л. 60-63.

⁴ ГАПК. Ф. 61. Оп. 1. Д. 363. Л. 121.

⁵ РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.

сенокосных угодий зависела от обеспеченности хозяйств скотом и поэтому может являться показателем благосостояния хозяйства и его мощности. Зачастую арендованная земля использовалась не полностью, что дает возможность предполагать субаренду.¹ В русских хозяйствах при аренде земли преимущественно ее арендовали за деньги, натуральная оплата преобладала в крайних группах, издольная и за отработки чаще встречалась в хозяйствах с посевной площадью от 3 до 16 дес. У корейцев денежная форма аренды была распространена одинаково во всех группах, к издольной аренде прибегали малопосевные и среднепосевные хозяйства. Как видно из таблицы 13, основная группа арендаторов, не использующих по назначению землю относилась к категории среднепосевных с посевной площадью в 4- 5 дес.

Таблица 13

Относительные показатели распределения аренды
земли в соответствии с посевной группой

Посевные группы (размер посевной площади)	Русские хозяйства		Корейские хозяйства	
	арендующие,, не имеющие посева на арендуемой земле, %	неиспользованной земли, %	Арендующие хозяйства, не имеющие посева в %	% неиспользованной земли
Без посева и до 0,9 дес.	-	-	-	-
0,1 – 1,0	-	-	-	-
1,1 – 2,0	-	27	1	1
2,1 – 3,0	25	27	15	2
3,1 – 4,0	14	21	1	16
4,1 – 5,0	38	40	12	2
5,1 – 6,0	19	23	9	24
6,1 – 7,0	-	-	-	4
7,1 – 8,0	8	4	-	-
8,1 – 9,0	-	-	-	-
9,1 – 10,0	16	24	-	-
10,1 – 11,0	21	32	-	-
13,1 – 16,0	-	-	-	-
Выше 16,0	25	9	-	-

Составлено по: РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 4.

¹ РГИА ДВ Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

К 1926 г. 76% арендаторов составляли корейцы. Среди сдающих землю 52% сдавали ее из-за изменившихся в лучшую сторону условий сдачи, 33% - из-за недостатка семян.¹

На арендные отношения, да и в целом на развитие сельского хозяйства в Приморье повлияло и то, что в Приморской губернии, в отличие от других регионов, переделы земли практически не проходили и распределение земли между дворами оставалось к середине 20-х годов таким же, как и в дореволюционный период (по Земельному кодексу ст. 121 переделы земли предполагалось проводить раз в 9 лет).² С другой стороны, в губернии была широко применяема практика передела лугов.³

В течение 20-х годов в результате передела земельных владений и землеустроительной работы государства, как видно из таблицы 14, произошло значительное сокращение количества крестьян, не имевших пашни вовсе, до 3,4%. Количество же среднепосевных и многопосевных хозяйств осталось практически неизменным.

Таблица 14

Распределение крестьянских хозяйств по группам в соответствии с размерами посевных площадей, % %

Распределение крестьянских хозяйств по размеру посевных площадей	1923	1928
Безпосевные	10,7	3,4
Малопосевные	30,0	35,7
Среднепосевные	40,8	44,7
Многопосевные	18,5	16,2

Составлено по: ГАПК. Ф. Р - 86. Оп. 1. Д. 30. Л.188.

В 1928 г. по итогам работы краевого статистического управления был определен классовый состав деревни. Бедняки составили 26,5% (доля орудий

¹ РГИА ДВ. Ф. Р -35. Оп. 1. Д. 142. Л.142.

² ГАПК. Ф. Р – 1506. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

производства – 12,7%), середняки – 66,8% (70,9% всех орудий), кулаки – 6,7% (16,4%).¹ Социалистический сектор (по посевной площади – свыше 1%) значительной роли еще не играл. Колхозы были мелкими и не являлись показательным показателем развития крестьянского хозяйства².

В районах заселения европейцами вся масса посевной площади приходилась на рожь, пшеницу, овес и гречиху. В районах же с корейским населением преимущество отдавалось иным культурам: бобам, чумизе, пайзе, кукурузе и рису. Особенно характерен в этом Посъетский район, где корейское население составляло к середине 20-х годов 91% всего сельскохозяйственного населения. Культуры, возделываемые корейцами, показали себя как более стойкие и приспособленные к местным условиям. Кроме этого, по своей урожайности и спросу на ближайших заграничных рынках (Китай, Япония) корейские культуры пользовались более высоким спросом, чем европейские.³ В ситуации хлебозаготовительных кризисов, которые переживала страна в 20-е годы, продовольственного голода, возможности самообеспечения, выполнения налоговых планов государства играли первостепенную роль.

2.2 Налоги как инструмент государственного регулирования Приморской деревни

Дальневосточный регион России и Приморье в том числе, имели существенные отличия в осуществлении фискальной политики государства. До 1917 г. дальневосточное и приморское крестьянство в большинстве своем было освобождено от уплаты налогов, находясь, в более привилегированном положении, чем крестьянство остальных российских губерний, что имело важное значение при переходе к нэпу. Первоначально введение продовольственного налога в центральных регионах было воспринято как уменьшение экономического гнета по сравнению с действиями продотрядов,

¹ ГАПК. Ф.Р- 86. Оп. 1.Д. 30. Л. 33.

² Там же. Л.172.

³ Кремянский С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 4. С. 38.

те более, что до лета 1922 г. переход к нэпу был скорее декларацией, чем новой экономической политикой. Продналог был невыполним для большинства крестьян так же, как и продразверстка, а меры его взимания были прежними: конфискации продуктов, рабочего скота и инвентаря.¹ Введение продналога на Дальнем Востоке было воспринято иначе: как продолжение политики военных грабежей. Важными факторами, определившими специфику ситуации, являлось длительное отсутствие связи с центральной частью страны в условиях Гражданской войны и интервенции. отсутствие твердой власти, благодаря чему налоговый аппарат не был настойчив в взыскании платежей, население же, не веря в прочность власти, уклонялось от уплаты налогов.² А достаточно зажиточное крестьянство, владеющее большими земельными наделами, получало информацию о земельной экспроприации, о голоде в центральных регионах зачастую в преувеличенном и искаженном виде.³ Таким образом, в условиях приморской деревни введение продналога и всей системы налогообложения, связанных с новой экономической политикой, должно было осуществляться осторожно.

Подходно-поимущественный налог с сельского населения в Приморье был введен на основании закона ДВР от 4 сентября 1922 г., утвердившего Положение о государственной программе подходно-поимущественного налога с населения ДВР, занимающегося сельским хозяйством. Согласно положению, все источники дохода в хозяйстве оценивались в податных единицах и подразделялись на 10 групп, облагавшихся с учетом прогрессии. Первая группа - 1 руб. 50 коп., а 10-я - 180 руб., т.е. бедняцкие хозяйства платили по 6 коп. с податной единицы (первая группа включала 25 единиц), а кулаки по 36 коп. с единицы (10-я группа - 500 единиц и выше). Государство

¹ Шпаков В.О. Власть и крестьянство на Северном Кавказе в годы новой экономической политики (1921 - 1928 гг.) // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 65.

² Соловьев Д.И. Обзор поступления налогов и доходов по Приморской губернии за январь – сентябрь 1922 г. // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №1. С. 37.

³ Шестак О.И. Советская социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг. Владивосток, 2004. С. 23.

планировало использовать механизмы перераспределения в пользу бедных и средних хозяйств в виде семенных ссуд, кредита, что укрепило бы их материальное положение и способствовало повышению авторитета власти.¹ Дальревком отнес Приморскую губернию в 4-й разряд урожайности. Президиум Приморского исполкома на основании п. 14 Декрета о едином сельхозналоге и §13-14 Инструкции по проведению сельхозналога, констатировал отсутствие значительных расхождений урожайности по отдельным уездам губернии, что было сделано на основе работы экспертной комиссии, и взвесив фактическую урожайность отдельных уездов, отнес все уезды губернии к 4 разряду урожайности. Были определены эквиваленты перевода натуральных ставок сельхозналога в денежную форму: денежные эквиваленты в золотых копейках с одного пуда зерновых хлеба -110 коп., с одного фунта мяса – 15 коп.² Руководство проведением налоговой кампании взяли на себя партийные органы. При Приморском губкоме была создана налоговая комиссия, которая контролировала ход кампании, работу финансовых органов, их состав, решала вопросы применения необходимых мер в уездах, волостях, где задерживалась сдача налога. Сбор продналога за 1922 г. и недоимок за 1921 г. должен был обеспечить условия для советизации губернии и создать базу для поднятия разрушенного хозяйства. Первоначально планировалось полностью собрать налог к 1 января 1923 г., но фактически в Приморской губернии сдача налога началась только в январе. Центральная Губернская комиссия по проведению этого налога, учтя неурожай предыдущих лет и последствия Гражданской войны, приняла некоторые меры к облегчению платежа. К числу таких мер необходимо отнести прекращение взимания старых недоимок с сельского населения. Вся подготовительная работа была выполнена с 24 ноября 1922 по февраль 1923

¹ Проскурина Л.И., Лыкова Е.А. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века. ...С. 55.

² ГАПК. Ф. Р - 1119. Оп. 1. Д 2. Л. 134.

г., с этой даты началось поступление продналога.¹ Бюрократический подход к определению разряда урожайности, принятый за основу обложения, требование погашения недоимок по налогу скотом, нажим на крестьян вызвали резко отрицательное отношение к власти. Неурожай хлебных злаков и, в особенности, пшеницы, охвативший 1923 г. большую часть Приморской губернии, имел одним из своих следствий недоброжелательное отношение населения к единому сельхозналогу. Первые шаги волостных исполнительных комитетов – вручение окладных листов, встретили сопротивление части его, выразившееся в категорическом отказе целыми обществами от приема окладных листов. Большая часть отказов отмечена в Никольск-Уссурийском уезде, наиболее пострадавший от неурожая.²

Все это потребовало пересмотра подхода к исчислению налога и изменения социального подхода к налогообложению. На XII съезде РКП(б), проходившим 17-25 апреля 1923 г., в резолюции «О налоговой политике в деревне» было принято решение о введении единого «прямого сельскохозяйственного налога», который должен был унифицировать все имеющиеся многочисленные сборы и повинности.³ В Приморской губернии с июня 1923 года начались вестись подготовительные работы. В первую очередь значительно уменьшился оклад налога для бедняков (по сравнению с налогом 1922 г.), особенно обремененного большим числом едоков. Так, циркуляр Дальревкома от 5 октября 1923г. определял льготы беднейшему крестьянству. Полностью от уплаты сельхозналога освобождали единоличников и коллективные хозяйства, если у них при отсутствии скота находится не более 1 десятины облагаемых сельхозналогом при отсутствии облагаемых сельхозналогом побочных заработков, на 50% освобождались хозяйства, владеющие одной четвертой десятины или в переводе на рогатый скот не

¹ Соловьев Д.И. Обзор поступления налогов и доходов по Приморской губернии за январь – сентябрь 1922 г. // Экономическая жизнь Приморья. 1924г. №1. С. 41.

² РГИА ДВ. Ф. Р -1. Оп. 1. Д. 927. Л.72.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях (1898 - 1954). В 4-х т. 7-е изд. Т. 3. М., 1953. С. 50 – 129.

свыше 2-х.¹ В отчете Дальбюро ЦК РКП б в ноябре 1923 г. были указаны особенности единого сельхозналога для зажиточной части крестьянства: на 20-30 % на крупного середняка и значительное увеличение (на 30-50%) для хозяйств с большой площадью запашки и высокой урожайностью. Шкала градуировала налогоплательщиков на 36 отдельных групп с применением ступенчатых ставок.²

Подготовительные работы по сбору единого сельхозналога должны были завершиться к 1 ноября 1923 г.³ Было запланировано первые 50% налога собрать в сроки к 1 декабря 1923 г. 30% и 20% к 25 декабря, с тем, чтобы к 1 января 1924 г. получить итоговый учет собранных по губерниям сумм налога.⁴ Однако осуществить сбор налога в установленные сроки не удалось. Как видно из таблицы 15, представленной ниже, ни одной из территориальных единиц губернии не удалось справиться с поставленными задачами и собрать необходимые суммы налога в установленные сроки.

Таблица 15

Поступления продналога за весь период налогообложения по районам
Приморской губернии (на 30 декабря 1923 г.)

Район	Всего поступлений	Из них в денежной форме	% поступлений	Размер недоимок
Сучанский	150. 474	144 311	14,5	23 208
Посьетский	41 093	41 039	4,1	12 795
Ольгинский	43 464	39 591	4,2	42 287
Спасский	292 638	89 305	26,6	65 456
Никольск-Уссурийский	521 730	418 560	50,6	37 625
Всего	1 029 399	732 806	100	186 872

Составлено по: Соловьев Д.И. Обзор поступления налогов и доходов по Приморской губернии за январь – сентябрь 1922 г. // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №1. С. 41; РГИА ДВ Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 251. Л. 13.

¹ ГАПК Ф. Р-1119. Оп. 1. Д 2. Л.180.

² Басов П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №9. С. 33.

³ ГАПК Ф. Р-1119. Оп. 1. Д 2. Л.155.

⁴ Там же.

Невыполнение заявленного плана сбора сельхозналога вызвало необходимость обращения к властям Дальневосточного округа с просьбой об отсрочке сбора 50% налога по всей губернии до 10 января 1924 г.¹ Одним из оснований для отсрочки стало тяжелое положение ряда уездов губернии в связи с неурожаем и наводнениями. Так, в Ольгинском районе население Тетюхинской и Беневской волостей смогло собрать только 73% от запланированного урожая. Предполагалось, что для полной уплаты налога будет использована возможность выплат за счет средств северной части района, где развиты лесные и рыбные промыслы; а также за счет морских промыслов и реализации скота в счет налога.²

Благодаря тому, что сельскохозяйственный налог взимался в денежной и натуральной формах, крестьянину развязывались руки в свободном распоряжении продукцией своего хозяйства. В районах со слабыми торговыми рынками прием налога натурой способствовал возможности крестьянину относительно своевременно его уплатить, не попадая под власть посредников.³

По итогам налоговой кампании 1923 г. оказалось, что процент выполнения продналога составил 83%, его доля в общей сумме поступлений всех прямых налогов губернии наиболее велика и дала 29,3% (по данным переписи 1917 г. на душу сельского населения приходится продналога в среднем около 3руб. 71 коп.).⁴

При обложении крестьянства в 1923/24 налоговом году использовалась лишь одна налоговая сетка, налоговая прогрессия, устанавливаемая этой сеткой, оказалась недостаточной эффективной для Дальнего Востока, где крестьянские хозяйства по размерам отличались от российских. Например, в

¹ ГАПК Ф. Р- 1119. Оп. 1. Д 2. Л.235.

² Там же. Л.118.

³ Басов П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 9. С. 32.

⁴ РГИА ДВ Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 251. Л.13.

Европейской России на одно хозяйство в среднем приходилось 3,9 дес. посева, в Приморской губернии - 13,9 дес. (по данным 1917 г.), рабочего скота соответственно 1,2 и 3,2 голов и установленная налоговая сетка не учитывала особенностей зажиточных старожильческих хозяйств.¹ Не соответствовала местным условиям и дифференциация хозяйств по наличию рабочего скота. В силу тяжелых условий обработки земли хозяйств, занимающихся земледелием и не имеющих скота, практически не было, а хозяйство, имеющее в наличии 3-4 головы скота характеризовалось как среднее, а не зажиточное. Таким образом, налоговая сетка, установленная декретом от 10 мая 1923 г., не соответствовала экономическим условиям Приморской губернии. Изъятия, которые должны были охватить середняка, приходились в основном на бедняка, а хозяйства кулаков и середняков облагались одинаковым налогом.² В итоге налоговые поступления за 1923/24 гг. по Приморской губернии составили 1 990 125 руб., т.е. 99,5% поступлений от 2 000 000 – задания по единому сельхозналогу.³

Реализация социально-классовой политики по отношению к крестьянству требовала кардинальных изменений в системе налогообложения с учетом специфических особенностей региона и каждой губернии. Новый налог был введен Положением ЦИК и СНК от 30 апреля 1924 г. Изменения, начиная с 1924- 1925 гг., коснулись формы исчисления налога – она должна была принять только денежную форму. Шкала группового распределения сельского хозяйства на 13 типовых хозяйств была построена на учете норм землепользования по районам (плавающие ставки). Ставки построены в возрастающей прогрессии, допускающей повышение налога в зависимости от увеличения облагаемых элементов хозяйства в пересчете на посев и разделением на одного едока. Учитывалась урожайность и ценность

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 48.

² Проскурина Л.И., Лыкова Е.А. Указ соч. С. 61.

³ Основные элементы сельского хозяйства Приморья как районообразующие признаки // Экономическая жизнь Приморья. 1924г. №10. С.80.

продукции в переводе на деньги по ценам местного рынка. Скот предполагалось учитывать только рабочий и продуктивный рогатый, причем обложение скота будет производиться путем перевода его в десятины пашни по коэффициентам, применительно к доходности десятины данного посева. Таким же образом, как скот будут облагаться сенокосы.¹ Новое положение не допускало никаких параллельных налогов на сельское хозяйство. Сумма местной надбавки к государственной части налога определялась постановлением Губисполкома. В Приморской губернии учитывалась к обложению не вся пашня, а только фактический посев; скот облагается только рабочий (лошади, волы от 3-х лет) и продуктивный (коровы от 2-х лет); мелкий скот не учитывался. Вместо 3-х групп землеобеспеченности на едока была, как и на всем Дальнем Востоке установлена шкала с 5 группами землеобеспеченности (разнохарактерность хозяйства не давала возможности привести их к 3-м типам). На Дальнем Востоке и в особенности в Приморье побочные заработки сельскохозяйственного населения отдельных районов (доходы от рыбы и лесных работ) имели преобладающее значение перед доходами от земледелия. В связи с этим, Дальревком постановил учитывать и облагать наряду с учетом посевов, сенокосов и скота, также и валовую сумму побочных заработков. Побочные заработки облагались с переводом валовой суммы их дохода по соответствующему коэффициенту в посев (в зависимости от доходности десятины).²

В результате по Приморской губернии была определена контрольную сумму сельскохозяйственного налога текущего года вместе с местной надбавкой в размере 10% продукции, т.е. в сумме 1 500 тыс. рублей. Число необлагаемых налогов хозяйств составило не менее 10%. Налог был распределен по группам в % следующим образом: на хозяйства с посевом на

¹ Басов П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №9. С. 32-33.

² Басов П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №9. С. 34.

едока до 1 десятины – сумма налога выразится около 10% от общей суммы обложенных сельхозналогом по губернии. До 2-х дес. на едока – около 26%, остальная сумма – на едока, имеющих свыше 2 дес. (4 и 5 группы, отнесенные к категории крупных хозяйств до 2-х дес. – 10 в) в % отношении – 64%. Распределение: до 1 дес. и необлагаемое население – до 55 тыс. хозяйств, до 2-х дес. – 10 тыс. хозяйств. Остальные – около 7 тыс. хозяйств.¹ В соответствие с этим, Экономическое совещание определило размеры доходности сельского хозяйства Приморья, и соответственно, налогообложения. Средняя валовая продукция сельского хозяйства Приморской Губернии должна была составить от полеводства, огородничества и бахчей 13 092 897 руб. 07 коп. доходность от скота 4 211 138 руб., валовый доход от промысловых занятий населения 4 000 000 руб. Всего 21304 028 руб. 07 коп. Контрольная сумма сельхозналога была определена в 2 000 000 руб. Валовая продукция сельского хозяйства Приморской губернии 1924/25 гг. должна была составить 15 000 000 и соответственно смета сельхозналога не выше 10%, т.е. 1 500 руб.² Сумма сельскохозяйственного налогового задания к фактическому поступлению на текущий 1924/25 налоговый год в сравнении с той же суммой, собранной в прошлом, 1923/1924 гг. налоговом году была понижена на 355 тыс. руб. или на 16%.³ Новые льготы распространились на уезды Спасский и Никольск-Уссурийский как более земледельческие с одной стороны, с другой – как более пострадавшие от гибели посевов пшеницы, и как районы с ограниченными возможностями побочных заработков. Льготы были установлены по признаку учета, гибели посевов пшеницы и во многом были вынужденной мерой во избежание эксцессов и протестов местного населения.⁴ Так, было отмечено, что в Никольск- Уссурийском уезде настроение и отношение крестьянского

¹Басов П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №9. С. 36.

² Постановление ЭКОСО по докладу Губплана // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №9. С. 77-78.

³ РГИА ДВ Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 251. Л.100.

⁴ Там же. Л. 64

населения к закону о сельскохозяйственном налоге достаточно благожелательно. Возражений по отдельным пунктам декрета не было, эксцессов с финработниками не замечалось. Помимо этого, часть населения, имевшая незначительные площади посевов, была удовлетворена новой системой, плательщики же, имеющие большую площадь посева, новым законом были не удовлетворены и склонялись к утайкам своих реальных доходов.¹ Проверка учтенных объектов налогообложения всего по губернии выявила утаек: посевов 13 972,11 дес., покоса- 2 226, 16 дес., скота – 330 голов, ульев -329, побочных заработков – 17 529 руб. 14 коп.² Наибольшие объемы утаек выявлены в Уссурийском и Спасском районах. Так, в Никольск-Уссурийском районе было сокрыто посева 8 010 дес., покоса 965 дес., 197 голов скота, и побочных заработков на сумму 2 842 руб. В Спасском районе размер утаек, за исключением покосов оказался несколько меньше: посева – 5 690,69 дес., покос - 1 271,91 дес., 107 голов скота и 1 987 руб. побочных заработков.³

В 1925 г. происходит поворот в политике правительства по отношению к крестьянству в свете общих идеологических изменений. Пережитый в 1923 – 1924 гг. в центральных губерниях голод, общее недовольство крестьянских масс политикой правительства и интересы всего народного хозяйства страны в целом потребовали подъема и укрепления сельского хозяйства.⁴ Весной 1925 г. был принят ряд постановлений ЦИК, СНК и Президиума ЦИК СССР, направленных на «быстрейшее укрепление и подъем всей массы крестьянских хозяйств».⁵ Согласно новому закону о сельхозналоге на 1926/27 год, утвержденному ЦИК СССР, предусматривалась необходимость учета

¹ РГИА ДВ Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 251. Л.100 Л.90 об.

² Там же. Л.88 об.

³ Там же. Л.88.

⁴ Шестак О.И. Советская социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941гг. Владивосток, 2004. С. 62.

⁵ Собрание Законов, 1925. №35. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М. 1925. №35. Ст. 248.

экономического состояния отдельных хозяйств. Впервые работа по сельхозналогу проводилась на основе принципа доходности.

На основе этих изменений в общегосударственном законодательстве Плановая комиссия по Владивостокскому округу подготовила проект реформы единого сельхозналога на 1926/1927 гг. (приказ № 75 от 13.01.1925.). В проекте были определены нормы доходности районов. На основе учета практики налогообложения за два предшествующих года был установлен необходимый минимум на одно хозяйство в размере до 200 руб. условного чистого дохода, что должно было привести к исключению из обложения до 30% всех крестьянских хозяйств. Чем больше в хозяйстве едоков, тем больше для него назначался необлагаемый минимум. В такие хозяйства попадала не только бедняцкая группа, но и владельцы трех и более голов скота, т.е. середняки. Как видно из таблицы, интервалы в шкале доходности и ставок обложения установлены таким образом, чтобы общая сумма обложения в 1926/1927гг. не превышала сумму налога в 1925/26 годах.¹

Таблица 16

Шкала доходности и ставок изъятия на 1926/27 гг.

Размер дохода (в руб.)	Процентная ставка обложения
До 200	Не облагается
200-300	2%
300-400	6%
400-600	10%
600-900	14%
900 и выше	20%

Составлено по: РГИА ДВ Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 832. Л. 21.

Как видно из представленной выше таблицы доходность сельского хозяйства определялась исходя из средних показателей за последние 3 года. В результате налог на наиболее зажиточных крестьян в Приморье, увеличился на 63 руб., налог на середняка сократился на 60 руб., а на бедняка – на 4 руб.

¹ РГИА ДВ Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 832. Л. 21.

При определении размеров налога было решено учитывать площади посева под зерновыми хлебами и отдельно под садами и т. д. Налогами облагались лошади от 4-х лет, крупный рогатый скот от 2-х лет; налогообложению подлежали пчелы, сено, результаты промыслов и ремесла. Шкала доходности составлялась уже не на едока, а на все хозяйство в целом, с учетом количества едоков в каждом из них для определения налогооблагаемого минимума.¹ Из 54 993 дворов почти половина из них – 26 896 – не подлежали налогообложению. Как видно из таблицы 17, освобождению от уплаты налогов в различных районах округа подлежало различное количество дворов; больше всего льготников было в Посьетском и Сучанском районах 70% и 59 % соответственно. Меньше всего льгот было предоставлено Михайловскому, Ивановскому и Спасскому районам.

Таблица 17

Характеристика налогов по Владивостокскому округу 1926/1927 гг.

Район	Общее количество		Из них не платят налог		Сумма исчисления дохода (в тыс. руб.)	Сумма налога(в тыс. руб.)	Процент освобожденных от выплат
	Дворов	едоков	дворов	едоков			
Михайловский	4 923	29 332	892	5 001	1 063	92 128	17
Спасский	5 698	31 988	1 745	8 882	1 699	130 527	27
Покровский	3 853	21 413	1 509	8 480	1 063	92 128	36
Черниговский	3 895	21 879	1 252	6 640	1 001	66 700	30
Суйфунский	5 701	32 423	1 818	14 988	1 302	97 821	46
Яковлевский	3 520	19 712	895	4 620	926	56 520	23
Гродековский	3 736	23 297	1 541	7 417	923	59 191	32
Ханкайский	4 528	26 535	1 582	8 542	1 098	60 929	32
Ивановский	3 021	22 355	868	4 893	820	46 484	21
Ольгинский	2 895	16 586	1 244	7 163	615	28 655	43
Шмаковский	5 779	31 386	2 075	10 788	1 147	56 435	34
Шкотовский	5 024	28 088	2 489	13 252	967	48 389	47
Сучанский	5 748	34 441	3 373	26 349	982	41 763	59
Посьетский	6 641	37 105	4 513	26 249	965	68 117	70
Всего	54 993	372 526	26 896	147 264	15 114	947 780	-

Составлено по материалам Владивостокского Округного исполкома // РГИА ДВ Ф. Р 86. Оп. 1. Д. 1. Л.38.

¹ РГИА ДВ Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 832. Л. 23.

Изменение в системе налогообложения позволило заготовить 1 555 тыс. центнеров зерна в 1926/27 гг. В 1927 г. в стране нарастали экономические трудности, главной из которых стала государственная заготовка зерна. В 1927/28 гг. выполнение хлебозаготовительного плана по Владивостокскому округу было признано удовлетворительным, было заготовлено 2 594 тыс. центнеров, т.е. более чем на 66% по сравнению с предшествующим годом. Это дало возможность уменьшить завоз зерна из Сибири до 451 000 центнеров в 1927/28 гг. против 724 500 центнеров в 1926/27 гг.¹ Но изменения полностью не исключили недочеты в назначении единого сельхозналога. Так, на III окружном съезде Советов отмечалось, что не всегда учитывали потери хлебов в связи с неблагоприятными погодными условиями. Например, в Спасском районе облагали десятину по 45 руб., погибшую обложили в такой же норме, несмотря на то, что хлебопашцы понесли утрату семян. Исполком определил скидки для бедняков и середняков, но они не соответствовали понесенным утратам: беднякам скинули 50 коп., а середнякам – 2 руб., в тех случаях, когда урожай совершенно погиб.² Потребности государства диктовали ужесточение мер Закона о сельхозналоге на 1927/28 год, что проводилось не только в отношении кулацких, но и середняцких хозяйств Приморья. В процессе выявления экономической состоятельности хозяйств была предпринята попытка определить признаки кулака. Приморский комитет партии кулацким считал хозяйство, имевшее при шести едоках 20 десятин посева, 6 десятин покоса, не менее трех лошадей, пяти коров и двух волов. В соответствии с указанными критериями бедняцких хозяйств в округе насчитывалось около 20 тыс., они были освобождены от уплаты сельхозналога. Средняцких хозяйств – 37 тыс, и они выплачивали 32% или 20 руб. й на двор. Зажиточных хозяйств около 100 тыс – они платили 356% всего налога и выплачивали по 50 рублей

¹ РГИА ДВ Ф. Р - 86. Оп. 1. Д. 30. Л. 47.

² Там же. Л. 96.

со своего двора. Кулацких хозяйств – 500 и их доля в налоге составила 20% или 368 руб. на двор.¹

Таблица 18

Распространение суммы сельхозналога на 6 групп населения в Приморье

Группа хозяйств	посев	Доля в объёме налога, %	Выплата налога на хозяйство, руб.	Выплата налога на едока, руб.
1	без посева	0,1	0,77	0,20
2	от 0 до 0,5 дес.	8,6	2,71.	0,45
3	0,5 до 1 дес.	33,9	15,14	2,58
4	от 1 до 2 дес.	45,1	47,27.	8,77 .
5	От 2 до 3 дес.	8,8	87,19	20,60.
6	От 3 дес. и выше	3,5	87,35	32,64.

Составлено по: РГИА ДВ Ф. Р-37, оп. 1, д. 143, Л.14, 15, 16.

Примечание. Основная масса налога уплачена 3 и 4 группами 79% - 747 207, 29 рублей.

Наибольшее количество хозяйств в округе падает на 2 и 3 группы (47,4% и 33,5%) среднее место занимает 4 группа – 14,2% всех хозяйств, и наконец наименьшее количество дают 1, 5 и 6 группы. Обращаясь к вопросу, кто же является основным плательщиком налога, можно увидеть, что основную массу налога -79% выплачивают 3 и 4 группы налогообложения, представляющих 30 226 хозяйств или 172 895 едоков, т.е. 47,7% едоков выплачивают 79% фактического сельхозналога. Эта центральная группа выдерживает всю тяжесть налога, оплачивая 4 руб. 32 коп. налога, что, в соответствии с таблицей 18, относит ее к 3-й группе, давая, таким образом, повод к отнесению его к средней по обеспеченности посевом группе.² Это приводит к ответным мерам со стороны крестьянства, которое в значительной мере себя страхует, задерживая излишки у себя в хозяйстве, в особенности та часть, которую относят к кулацкой, а под ее влиянием задерживает у себя значительное количество зерна середняцкая часть.³ В феврале - апреле 1928 г. первоначальный план для ДВК повысили до 16,3 млн пудов, что нашло

¹ РГИА ДВ Ф. Р 86. Оп. 1, д. 30, Л.193.

² РГИА ДВ Ф. Р-37, оп.1, д. 143, Л.16.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 30. Л. 47.

отражение в увеличении нормативов по сдаче зерна для округов. Так, Владивостокский округ должен был выполнить план по хлебозаготовкам на 127,9%. Подвоз сибирского зерна весной 1928 г. практически прекратился, что заставляло местные власти еще активнее инициировать повышение планов.¹ Определяя задачи по сбору единого сельхозналога на 1929 г. Владивостокская окружная плановая комиссия установила общую сумму сельхозналога в 94 656 363,85 руб, распределяющуюся на обложение 63 454 хозяйств округа. Условно чистый доход по округу должен составить 14 864 728. 68 руб.² Президиум Владивостокского окружного исполкома на заседании от 25 июля 1929 г. принял решение основными хлебозаготовителями считать Союзхлеб, Дальсейсоюз, Далькрайсоюз. Считать началом хлебозаготовительной кампании 1 сентября 1929 г.³ На заседании президиума отмечалось, что в 1929/30 гг. край вступает в новые хлебозаготовки при значительно более благоприятных условиях, чем в кампании в 1928/29 гг.: лучшие виды на сборы хлебов по ряду округов, успешное проведение нажима на кулацко-зажиточные элементы деревни во время летних заготовок, в значительной мере подготовивших крестьянство к сдаче государству своих товарных излишков; заметно увеличивающаяся роль обобщественного сектора в сельском хозяйстве; широкое развитие контрактации.⁴

В течение 20-х годов XX в. продналог прошел путь от натурального платежа до классового единого денежного сельскохозяйственного налога. На протяжении этого периода налог подвергался многочисленным изменениям принципиального характера и частичным поправкам. В 1922 г. все натуральные платежи объединили в один натуральный налог, в 1923 г. разрешили частично вносить налог деньгами, в 1924 г. полностью перевели на денежную форму и ввели три ставки по обложению, в 1925 г. ввели принцип

¹ ГАПК. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 145. Л. 6.

² РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 143 Л. 2.

³ ГАПК. Ф. Р.- 1165. Оп. 1. Д. 134. Л 1 об.

⁴ Там же. Л. 14 об.

порайонного определения ставок, что благоприятно сказалось на налогообложении в Приморье. В 1926 г. налог ужесточили, привлекая к обложению второстепенные крестьянские заработки, в 1928 г. ввели индивидуальное обложение зажиточных хозяйств, в 1929 г. объявили о сохранении размеров обложения на ближайшие три года. В ходе проводимых изменений неизменными оставались субъект платежа и основные объекты обложения (земля, скот). В целом в практике сельскохозяйственного обложения в первой половине 20-х годов еще предпринимались попытки заинтересовать крестьянство в увеличении хозяйства. Во второй половине 20-х годов определяющей стала социальная функция, что повлекло за собой снижение значимости налога как источника доходов бюджета. Проводимая правительством налоговая политика в деревне не отвечала интересам экономики, в том числе и сельского хозяйства. К 1929 г. ситуацию усугубили применением чрезвычайных мер, следствием чего стало массовое сокрытие объектов обложения, дробление крестьянских хозяйств, возвращение к самообеспечению внутри одного двора, селения.

Положение о сельхозналоге становилось объектом обсуждения перед началом каждой налоговой компании. Однако, несмотря на дифференцированный подход в налогообложении, все чаще стали проявляться негативные тенденции: в значительной мере увеличилось налоговое бремя не только на наиболее зажиточных крестьян, но и на середняков, выдвигалось все больше препятствий в развитии промыслов, которыми занималась значительная часть жителей округа, устанавливались дополнительные налоги на промыслы. Эти меры вновь, как в начале введения продналога, стали приводить к дроблению хозяйств и скрывать объекты обложения. В свою очередь, это привело к сокращению посевных площадей, общему падению объемов сельскохозяйственного производства. Постоянное вмешательство государства в процессы ценообразования подрывало нормальное функционирование сельского хозяйства. При этом в политике цен властей в отношении сельского хозяйства наиболее рельефно обнаружился явный

приоритет радикальных политических решений над естественными потребностями экономики.

2.3 Изменения в структуре сельскохозяйственных культур за годы нэпа

В течение длительного времени Приморье находилось в изоляции от остальной части страны, что породило определенную автономизацию хозяйственной жизни на его территории. Сельское хозяйство региона в известной степени переориентировалось на удовлетворение собственных нужд.

Три главных культуры (пшеница, овес, рожь) составляли по дальневосточной области 82% посевной площади, в Приморской губернии 64%. Приморская губерния отличалась выгодным разнообразием состава культур. В 1917 г. в Приморье доминирующее положение занимали три культуры: овес – 32,47%, пшеница – 31,33%, гречиха – 12,08%. На их долю приходилось 75,88% всей посевной площади. По данным 1917 г. в Приморской губернии засеивалось продовольственных хлебов: пшеницы 63 000 дес., ржи – 3 700, гречихи – 31 600, гороха – 290, кукурузы – 6 400 дес., картофеля – 11 300.¹ Но выращивание данных культур вызывало определенные затруднения в Приморье: пшеница и овес были сильно подвержены заболеваниям головней и пьяным хлебом (фузарием).² К 1923 г. доминирующее положение осталось за теми же культурами, но, с одной стороны, значение их заметно понизилось – на 8,34% (пшеница – 28,64%, овес – 28,54%, гречиха – 28,36%). В общей сложности посевные площади под ними составили 67,54%. Посевная площадь сократилась за пять лет довольно заметно – на 27 020 дес. (на 9,42%), причем сокращение коснулось как

¹ РГИА ДВ. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 246. Л.77 об.

² Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2 С. 19.

главнейших культур, так и второстепенных, за небольшим исключением.¹ С другой стороны к традиционным присоединилась четвертая новая культура, занявшая 3-е по значению место - 11,5% - рожь. Эти культуры заняли в 1923 г. почти 4/5 (79,04%) всей посевной площади². Уезды Приморской губернии к началу 1923 года имели уже свою специализацию по составу сельскохозяйственных культур: Хабаровский – пшеница, овес, картофель, гречиха, Николаевский – картофель, овес; Спасский – пшеница, овес, гречиха; Никольск-Уссурийский – овес, пшеница, лен, бобы, гречиха; Владивостокский – пшеница, овес, чумиза, пайза.³

Второстепенные культуры в общем сохранили свое место (без ржи – 16,39%), но посевные площади под ними к 1923 году понизились. А кроме того, в сельскохозяйственном производстве выдвинулась новая культура – рис (1,48%) и возросла роль такой культуры как просо (1,28% с 0,97% в 1917г.).⁴ Некоторые культуры потеряли свое прежнее значение: так площадь подсолнечника сократилась на 82,05%, табака- на 75,6%, бахчевых культур – на 83,12%. И только конопля и травы в сравнении 1917 г. и 1923 г. дали прирост: на 50,71% и 123,06% соответственно.⁵ Односторонняя зерновая система полеводства обязывала заготавливать на корм скоту большие запасы сена; но сено по характеристикам грубое, велики его потери во время сенокоса из-за дождей. Площадь под сенокос тоже понизилась.⁶ Вместе с тем для традиционных культур (кукуруза, гречиха, лен и подсолнечник) были все необходимые условия для их дальнейшего развития.⁷

¹ Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 7.

² Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2 С. 6.

³ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 103.

⁴ Кремянский С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С. 7.

⁵ Там же. С. 6-7.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) // Экономическая жизнь Приморья. 1923. №1-2 С. 19.

Валовый сбор за шестилетний период (1915-1920) по всей Приморской губернии выражался в 3 161 000 пуд. Часть сбора была изъята для проведения сельскохозяйственных работ, что для всей Приморской губернии по ржи и пшенице составило 858 000 пуд. Чистый сбор по шестилетним данным выразился в сумме приблизительно 2 303 000 пуд. (при этом ввоз – 3 965 000) – всего 6 268 000 пудов.¹ Как видно из таблицы, представленной ниже, высокую степень доходности из традиционных европейских культур показала рожь, из новых для Приморья культур – рис.

Таблица 19

Доход от полеводства с десятины по значимым сельскохозяйственным культурам (средние показатели за 1923 – 1926 гг.)

Сельскохозяйственная культура	Урожайность, пуд с десятины	Заготовительная цена, в руб.	Стоимость обработки (условно чистая доходность, руб.)
Рожь озимая	8,3	1,11	26,20
Рожь яровая	8,26	1,11	11,59
Пшеница	8,95	1,90	21,71
Гречиха	6,56	0,86	-
Ячмень	7,14	0,77	6,28
Чумиза	0,75	0,91	7,50
Рис	4,80	2,03	57,05
Лен	3,41	1,42	34,10
Просо	3,27	0,84	19,10
Овес	9,35	0,45	9,53
Кукуруза	2,29	0,97	38,70
Пайза	0,77	0,91	34,19
Бобы	3,90	1,04	-
Картофель полевой	47,20	0,27	-

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р – 35. Оп. 1. Д. 151. Л. 7 об.

Примечание. Средние данные за 4-летие на 1926 г. и данные переписи 1923 г. Средний урожай с 1 дес. с учетом средней заготовительной цены за 4-летие.

Основная масса культур в 1924 г. дала на 18,2% меньше, чем в предшествующем году. В результате подесятинного сбора в 1924 г. валовая продукция главнейших хлебов уменьшилась на 37,6% в 1924 г. по сравнению

¹ Чебоксаров Н.И. Основные элементы хозяйственного баланса Приморья (Первый ориентировочный баланс) // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 2. С 25.

с 1923.¹ К 1924 г. произошло общее увеличение посевной площади по губернии - примерно на 5,3% или 11 018,57 дес. Это было в первую очередь связано с притоком азиатской рабочей силы и наделением этой категории населения землей. Наибольший прирост посевной площади показал Никольск-Уссурийский уезд, где увеличение посевной площади составило 7 299 дес. или 7,9%. На 2- месте – Владивостокский уезд- 5 280 дес., 3-е место у Хабаровского уезда - 909 дес. В Спасском уезде, наоборот, посевные площади сократились на 2 567 дес. Сильно сократились площади, занятые под пшеницей - на 7 207,47 деся.² За пятилетие с 1917 г. посевы пшеницы стали сокращаться за счет увеличения посевов озимой ржи. Посевы ржи удвоились и достигли в 1923 г. 7 500 дес., площадь пшеницы составила около 60 000 дес. В 1924 г., при дальнейшем увеличении посевов ржи, наметилась стойкая тенденция к сокращению посевов пшеницы до 56 000-57 000 десятин.³ Согласно конъюнктурному обзору сельского хозяйства за 1923/24 гг. посевная площадь Приморья сократилась по таким культурам, как пшеница овес и гречиха, в 1924 г. на 40,9%. Урожай по т ем же культурам по общему средневзвешенному сбору с десятины составил 29,5 пуд., что было меньше на 7,2 пуд. показателей 1923 г. По имеющимся в Губернском земельном управлении сведениям погибли посевы пшеницы почти полностью в количестве 60 000 дес.⁴ Необходимо отметить чрезвычайное развитие озимых посевов в Приморской губернии, особенно в Спасском уезде. Как видно из таблицы 20, посевы пшеницы характеризовались тенденцией к снижению посевных площадей, а посевы ржи, наоборот, из года в год увеличивались, достигнув показателей более чем в 45 тыс. дес. к 1925 г. Чистая доходность по Приморской губернии ржи по сравнению с довоенным периодом выросла с 33,9 до 61,1 руб. в 1924 г. и 68,4 в 1925 г.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 809. Л. 51 об.

² РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 139. Л. 58.

³ Приложение. Таблица 1.

⁴ Там же.

Таблица 20

Сравнительные показатели посевов ржи и пшеницы в 1917-1925 гг.

Год	Рожь, тыс. дес.	Пшеница, тыс. дес.
1917	1,7	91,1
1923	24,5	74,3
1924	28,2	35,0
1925	45,4	31,1

Составлено по: Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 103.

До войны рентабельность пшеницы повсюду превышала рентабельность ржи и составляла 35,7 руб. В 1924 г. она составила 58,3, в 1925 г. она упала до 53,1 руб., что привело к значительному сокращению в Приморской губернии посевов пшеницы,¹ о чем свидетельствуют данные таблицы, представленные ниже.

Таблица 21

Изменения посевных площадей и объемов урожая по основным культурам в 1923 -1924 гг. (посевная площадь и валовый сбор в тыс. дес./пудов)

	год	рожь		пшеница	овес	гречиха	Чумиза и пайза	рис
		Озим.	Яров.					
Посевная площадь	1923	25,1	5,0	75,7	75,9	24,74	9,9	4,0
	1924	23,9	8,0	26,6	49,9	13,8	7,5	3,3
Средний урожай	1923	45,61	43,30	19,03	44,09	33,31	63,55	122,06
	1924	33,40	20,00	22,30	23,20	21,00	51,50	151,10
Валовый продукт	1923	325,7	199,9	337,8	3347,4	600,1	613,4	419,1
	1924	309,6	165,3	603,7	1166,7	313,6	390,9	502,5

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р - 1. Оп. 1. Д. 809. Л. 52.

К 1925 г. в производстве зерновых культур стали наблюдаться кризисные явления. Снижение урожайности в первую очередь, было связано с неблагоприятными погодными условиями, от влияния которых зависел успех сельскохозяйственной деятельности. Первые его проявления были уже

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 104.

заметны к 1923 г., особенно в Никольск-Уссурийском и Спасском уездах, которые в большей мере, чем другие были ориентированы на рынок. Сокращение посевов местных товарных культур не носило в 1923 г. катастрофического характера, так как главный спрос на них предъявлялся не интендантством, а вольным рынком. (Отношения Владивостокского рынка с заграничными носили характер нормальных связей. Более грозный характер приняло сокращение пшеницы, овса и гречихи после двух больших недородов 1923 и 1924 г.).¹ В последующем, Хабаровский и Владивостокский уезды пережили подъем полевого хозяйства. Расширение посевов в этом районе имело потребительский характер, находясь в связи с заметным приростом населения и сокращением промысловых заработков.² Согласно отчету Владивостокского окружкома, на 1926 г. сельское хозяйство округа по валовой продукции составило 112% по отношению к довоенному периоду. Несмотря на увеличение объемов производства, их было недостаточно для удовлетворения всех запросов, которые к нему предъявлялись как со стороны государства, так и со стороны производителей. Сельское хозяйство к этому периоду времени еще не смогло ликвидировать внутрикраевой хлебный дефицит, который составил 6-7 млн. пудов. Было указано на слишком малое участие в рыночных отношениях, особенно в экспортных процессах.³

На сокращении объемов сельскохозяйственного производства сказались дробление крестьянских хозяйств, сокращение их мощности, а также обстоятельства, которые сопровождали посевную кампанию. В первую очередь, невыполнением заявок на семенную ссуду. Так, заявок поступило по всем вообще культурам на 432 227 пуд.; выдача же составила 20,8% необходимого количества. Для обсеменения полей было роздано населению пшеницы маньчжурской 40 000 пуд., овса 16 000, гречихи 3 600, льна 1 400.⁴

¹ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 107.

² Там же.

³ ГАПК. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 78.

Губернские органы власти определили потребность в сумме 320 000 рублей золотом на организацию посевной кампании в 1926 г. и указали на необходимость при проведении посевной кампании введение 6-польного севооборота у максимального большинства крестьянских хозяйств.¹

Негативно на результатах посевной кампании отразилась поздняя заготовка и переработка зерна и невысокое качество заготовленного семенного материала, высокая его цена для крестьянства с ослабленной неурожаем покупательной способностью. Немаловажным фактором, влияющим на сокращение объемов производства, был недостаток кредитования. Все это привело к тому, что по главным культурам озимой ржи, пшеницы, овсу, ярице и гречихе в 1925 г. произошло общее сокращение посевной площади на 11 395,29 дес.² Посевы овса резко сократились во всех губерниях Дальневосточной области. В Приморской губернии с 93,3 тыс. десятин до 74,5 тыс. дес. Значительные размеры посевных площадей под овсом были вызваны большим, чем в европейской части страны, количеством рабочего скота, недостаточностью и плохим качеством сена.³ Со второстепенными культурами сложилась иная ситуация. Для Приморской губернии был характерен устойчивый размер посевов льна. Кроме этого, появились новые для Приморской губернии культуры – посевы риса. Площадь риса увеличилась на 1 185,92 дес., достигнув 5 347,9 дес. При учете площади арендованной под посевы риса земли, она составила примерно 7 000 дес.⁴ Однако наиболее крупным явлением в Приморской губернии стало развитие масличных бобов (сои). В 1917 г. они занимали 7 700 десятин. В 1923 г. – 5800 дес., в 1924 г. – 7200 дес. В 1925 г. масличные бобы уже занимали 16200 тыс. дес. и дали более 8 000 десятин прироста.⁵ Значительный прирост

¹ РГИА ДВ. Ф. Р 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 80 об.

² РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 139. Л. 59.

³ Брянский А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период. // Статистический бюллетень. 1925. №11-12. С. 103.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 139. Л. 60.

⁵ Брянский А.М. Указ. соч. С. 105.

дали такие корейские культуры как чумиза и пайза, показав увеличение на 3 669,43 дес., и просо – увеличение на 2 071,24 десятины.¹ Как видно из таблицы, наибольший объем сборов показала рожь, значительное место в сборах заняли пшеница и овес, традиционные для Приморья. С 1926 г. происходит стабильный рост производства продукции растениеводства и, в целом, всей продукции сельского хозяйства.

Таблица 22

Урожай основных сельскохозяйственных культур по
Владивостокскому округу. (1917-1927гг., тыс. пуд.)

культуры	1917	1923	1924	1925	1926	1927
Рожь озимая	55,0	39,7	30,0	55,3	46,0	51,2
ярица		41,2	17,1	37,9	22,0	56,8
пшеница	44,0	17,3	18,7	42,6	32,3	40,6
овес	54,7	41,2	18,2	25,5	36,3	58,2
гречиха	80,0	22,5	12,4	26,7	42,0	25,6
ячмень	42,8	54,86	18,9	50,4	43,5	62,4
просо	57,5	33,6	28,1	43,7	47,2	29,9
чумиза	46,0	69,8	32,6	76,6	73,4	72,1
пайза	-	58,6	35,6	67,0	68,3	64,4
рис	-	111,3	79,1	136,7	136,7	115,5

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р - 35. Оп. 1. Д. 188. Л.14.

Примечание. В графе «Вес» указана доля участия района в производстве данной культуры в округе, окружная площадь принята за 100%. В графе «Сбор» указан объем сбора с одной десятины в пудах.

Неблагоприятные условия для озимых в 1927 г. вызвали сокращение их площади к 1928 г. на 23%, которая была замещена расширением посевов пшеницы и овса. Севу озимых в 1928 г. погода также не благоприятствовала, и по имеющимся материалам отмечено дальнейшее их сокращение приблизительно на 15%. В наибольшей мере пострадали, потеряв до 75% озимых Спасский, Яковлевский районы; сельскохозяйственные угодья по всей Даубихинской долине. Из Михайловского, Шмаковского и Черниговского районов таких же поступили сообщения о гибели посевов². В летний период

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 139. Л. 60.

² РГИА ДВ. Ф. Р - 35. Оп. 1. Д. 207. Л. 6.

наводнение уничтожило 52% злаков и 20% посевов риса, что сказалось в положении крестьянских хозяйств и затруднило изъятие сельхозналога.¹ Достигнув максимума в 1927 г., сборы по наиболее значимым для Приморья восьми культурам в 1928 г. дали определенное снижение, как видно из таблицы представленной ниже, наиболее значительное по озимой ржи, пшенице и просу. Погибло сельскохозяйственных культур на 3 204,25 дес. (3 193,21 га).

Таблица 23

Сводка урожая по окончательным данным на 1924 – 1928 гг.
(с одной дес. в пудах/с одного га в центнерах).

Культуры		1924	1925	1926	1927	1928
Рожь озимая п.	пуд./ дес.	36,1	65,3	57,1	60,2	45,2
	га/дес.	5,451	9,860	8,622	9,090	6,825
Рожь яровая	пуд./ дес.	21,7	40,5	31,1	46,4	43,8
	га/дес.	3, 227	6,116	4,696	7,006	6,614
Пшеница	пуд./ дес.	24,8	44,7	38,9	54,1	43,4
	га/дес.	3,745	6,750	5,874	8,169	6,553
Ячмень	пуд./ дес.	29,6	43,8	47,1	53,7	52,4
	га/дес.	4,470	6,614	7,112	8,109	7,912
Овес	пуд./ дес.	21,7	36,7	45,7	77,2	65,6
	га/дес.	3,227	5,542	6,901	11,857	9,906
Просо	пуд./ дес.	35,5	54,1	68,6	54,6	40,7
	га/дес.	5,361	8,169	10,859	8,245	6,146
Гречиха	пуд./ дес.	21,2	48,1	51,0	35,3	31,1
	га/дес.	3,201	7,263	7,701	5,330	4,696
Рис	пуд./ дес.	126,0	150,3	167,4	190,1	183,9
	га/дес.	18,025	22,695	25,277	28,705	27,769
Подсолнух	пуд./ дес.	-	26,3	34,9	37,5	58,3
	га/дес.	-	4,273	5,270	5,668	8,803
Чумиза	пуд./ дес.	46,0	72,1	96,5	84,6	83,8
	га/дес.	6,946	10,887	14,572	13,776	12,563
Пайза	пуд./ дес.	54,3	59,4	65,8	67,8	61,1
	га/дес.	8,199	8,969	9,936	10,168	9,226
Бобы	пуд./ дес.	53,9	69,9	68,0	81,2	80,8
	га/дес.	9,045	10,555	10,268	12,261	12,201
Кукуруза	пуд./ дес.	56,4	72,3	81,2	89,4	54,6
	га/дес.	8,516	10,917	12,261	13,499	8,244

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р - 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 125, Л. 207.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р- 2413. Оп. 4. Д. 110. Л. 333.

Однако, в отчетах окружных органов власти 1928 г. был назван переломным, т. к. по многим показателям удалось достичь уровня 1917 г.¹, показатели которого длительное время считались рекордными, и даже превысить его. В 1917 г. посевная площадь – 1189 000 га, в 1928 г. общая площадь посевных культур уже составила 1 373 800 га. Значительную роль в производстве злаковых стала играть рожь. Технические культуры в росте посевных площадей развивались гораздо быстрее, чем зерновые.² Значительный рост наблюдался по культурам, выращиваемым преимущественно корейским населением (чумиза, пайза, рис, бобовые).

Особое место в перечне сельскохозяйственных культур занял рис. Впервые появившиеся в округе в 1917 г. посевы риса расширялись достаточно высокими темпами и к приходу Советской власти составили около 4 500 га или 1,48% всех посевных площадей. Уход интервентов, которые были главными потребителями риса привел к резкому падению цен на него, что незамедлительно отразилась на объемах производства и интересе к нему, как к сельскохозяйственной культуре. С приходом Советской власти перед земорганами встали задачи упорядочения рисосеяния, прежде всего землепользования и водопользования, а также, орошения.³

Посевная площадь под рисом в 1919г. на всем Дальнем Востоке равнялась 300 га, а к январю 1928 г. выросла до 22 100 га., т.е. увеличилась более чем в 74 раза. Будучи сначала сосредоточенной только во Владивостокском округе, в Никольск-Уссурийском районе, рисосеяние за десятилетие продвинулось далеко на запад вглубь края и широко стало развиваться в приграничных округах.⁴ Особенность рисоводчества проявилась в том, что данная культура выращивалась в основном корейскими земледельцами, так как среди русского населения, вследствие новизны и

¹ Приложение. Таблица 2.

² РГИА ДВ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 30. Л.28.

³ РГИА ДВ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 326. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 10.

трудности обработки полей, их орошения, не получила распространения. Можно поэтому указать лишь на единичные случаи посева риса русскими крестьянами и то на половинных началах с корейскими земледельцами.¹

Уже к 1923 г. земельная площадь, выделенная под посевы риса, составила 4100 гектаров и из года в год увеличивалась, удваиваясь 2-3 года, вплоть до конца 20-х годов. Так, в 1925 г. она составила 9 500 гектаров, в 1928 г. – 22 100 га. В 1929 г. под посевами риса было занято уже почти 25 тыс. га.²

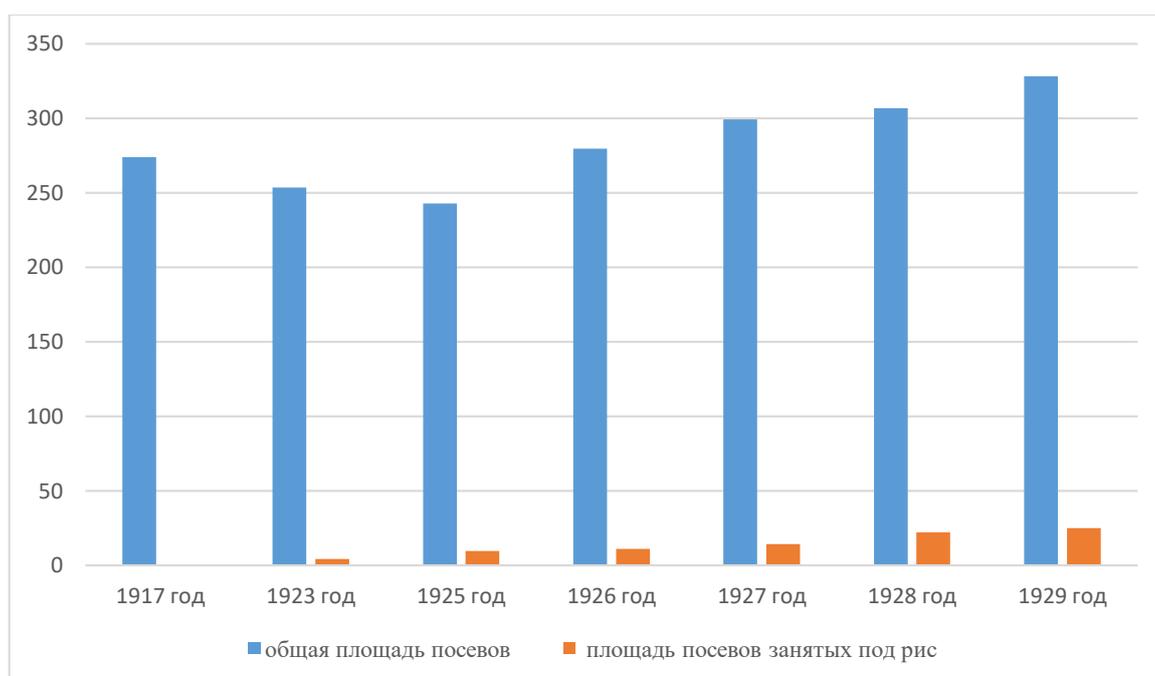

Рис. 1. Рост посевных площадей, занятых под рис в 1917 -1929 гг.³

Существует значительная сложность в определении соотношения русского и азиатского населения, занятого в производстве риса. При проведении обследований, проводимых Примгубстатбюро, было выявлено, что русское население сдавало земли корейцам, при этом, заявляя о самостоятельной обработке земли под рис. Так, в с. Романовка Шкотовского

¹ Чарнецкий Л.Б. Возделывание риса в Приморье // Приморье. Его природа и хозяйство. Владивосток. 1923. С. 104 -105.

² РГИА ДВ. Ф. Р - 37. Оп. 1. Д. 474. Л. 4.

³ Составлено по материалам Пятилетнего плана по Владивостокскому округу //: РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 474. Л. 4, 5.

района, при наличии русского и корейского населения ни одного русского рисосеятеля не оказалось, но они считали себя таковыми, так как сдавали корейцам землю под рис и часто опасались говорить о сдаче.¹

Рисовые посевы к 1927 г. распределились следующим образом, сохраняя и в последующем данное соотношение по районам: наибольшие площади под рис заняты в Шмаковском, Ханкайском и Гродековском районах, наименьшие – в Ольгинском, Покровском и Яковлевском.

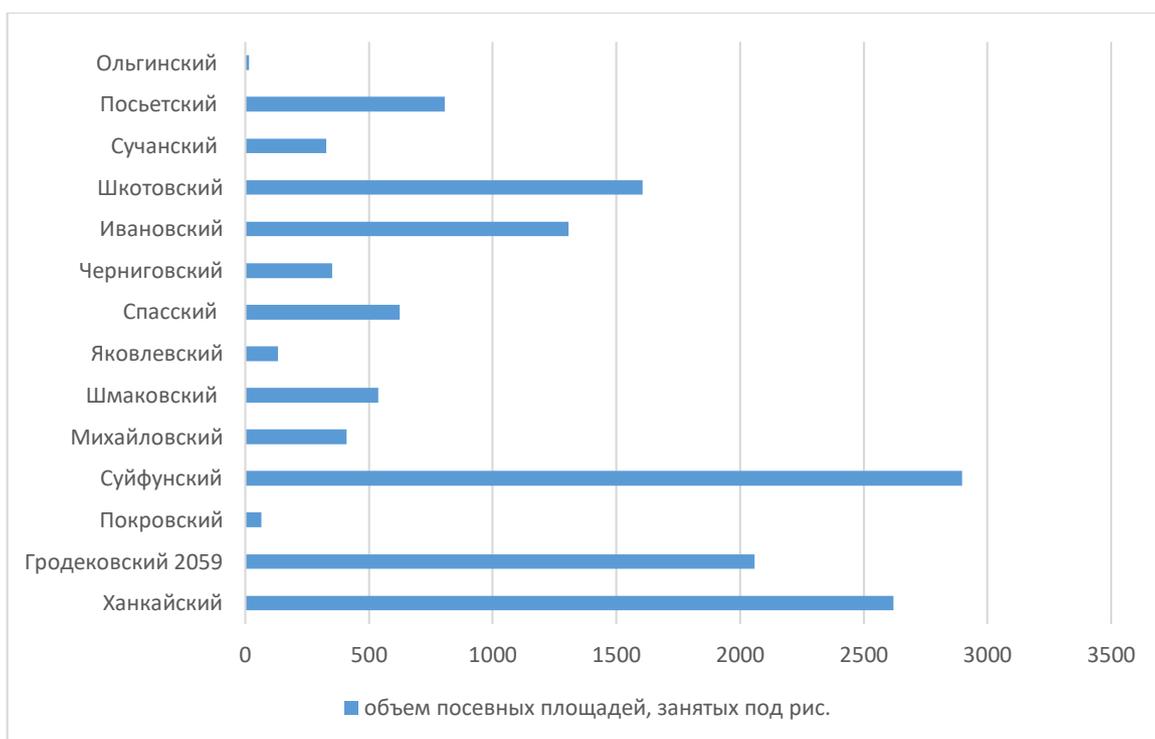

Рис 2. Объем земельных площадей, занятых под рис в районах Владивостокского округа (в га)

К 1929 г. площадь риса составила 17 000 га, что оказалось несколько меньше, чем предполагалось. Это повлияло и на заготовительные планы, в сторону их уменьшения на 1,5 млн. пуд. риса.²

Первоначально доходность от производства риса вызывала большие сомнения. Так, в обзоре, проведенном на основе Всероссийской переписи, был сделан вывод об опасениях введения в севооборот риса, в производстве

¹ Там же. Д. 139. Л. 170.

² ГАПК. Ф. Р - 86. Оп. 1, Д. 30. Л. 128.

которого имеется очень маленький опыт и его доходность может быть под вопросом. Кроме того, плантации риса тесно связаны с водными источниками и определенным рельефом, что может снизить эффективность его производства.¹ На данную оценку повлияло и то, что посевы риса в 1923 г. носили опытный характер и районы, наиболее благоприятные для посевов еще не были достаточно точно определены. Вследствие этого в 1923 г. многие из данных районов дали низкий сбор риса. Так, в 1923 г. был собран урожай риса в урожай 835 045 пуд.; потребление составило 491729 пуд. А рыночная стоимость риса была достаточно велика - 2.80- 3 йены франко.²

В 1924 г. районы рисосеяния изменились, были исключены те, которые в 1923 г. дали низкий урожай.³ Но к концу 20-х годов оценка перспектив и состояние рисосеяния изменились. Проведенный Владивостокской окружной плановой комиссией расчёт доходности показал, что наибольшую доходность с одной десятины дают посевы риса (по данным 1929 г.) Посьетский, Шкотовский и Спасский районы (116 руб. 77 коп., 112 руб. 48 коп., 100 руб. 45 коп., соответственно). Наименьшая доходность характерна для Ивановского, Яковлевского и Ханкайского районов (68 руб. 50 коп., 70 руб. 07 коп., 72 руб. 25 коп.). Общая доходность от риса в округе составила 495 704 руб. при общей доходности от всего полеводства в 4 796 309 руб., т.е. без малого 10%.⁴ Кроме этого из года в год можно было наблюдать рост цен на рис (в рублях за тонну): с 124,4 в 1925г. до 134 – в 1929 г.⁵

Относительно невысокая доходность в рисовом хозяйстве риса, как указывалось в информационном письме окружной плановой комиссии, во многом была связан с характером труда корейского населения, почти без изменений сохранявшего в Приморье традиционные методы ведения

¹ Клепинин Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии ...С. 21.

² Гачечиладзе А.Д. Оперативная деятельность Дальгосторга // Экономическая жизнь Приморья. 1924. №5. С.103.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 143. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Д. 402, Л. 179.

хозяйства изменений¹. Рис, несмотря на наличие сносно оборудованных рисоочистительных заводов (в Никольск-Уссурийске, Гродеково, Владивостоке), в основном очищался на местах его производства крайне примитивным способом - коническими жерновами (корейская мельница), которые портили продукт², что приводило к потерям при очистке в 30-40%. В корейцы засевался рис преимущественно в мелких хозяйствах, в которых он занимал около 14% посевной площади. Чем крупнее было хозяйство, тем меньше площади было занято этой культурой - в крупных хозяйствах ей отводилось не более 4,3% посевной площади³.

Значительных усилий стоила подготовка посевных площадей под посевы риса. Исходя из нормального срока аренды в 6 лет (учитывая, что 1-й год уходил на подготовительные работы).⁴ В первый год стоимость ирригации составляла 120 руб. на дес.; вспашка тракторами - 25 руб.; бороньба - 12 руб., устройство валиков - 12 руб. за дес. Стоимость семян - 3 пуда по 3руб. 50 коп. пуд и 2 руб.50 коп. обходился посев й дес. Этот и следующий расходы при наличии машин могли быть снижены на 20-30%.⁵ Прополка обходилась - 30 руб. за дес., наблюдения за орошением - 20 руб.; уборка урожая - 35 руб.; перевозка снопов на обмолот - 4 руб.; молотьба и провеивание - 18 руб. за десятину.⁶ Кроме этого при производстве риса следовало учитывать транспортную доступность посевных площадей. Все виды сельскохозяйственного промысла при стоимости транспорта в 7-10 коп. с пуда считались рентабельными. В районах, удаленных от линии железной дороги, при стоимости транспорта в 50 -70 коп. за пуд, большинство культур (овес, рожь, бобы) оказывались нерентабельны и рис, при его высокой рыночной стоимости, мог бы обеспечить товарность хозяйства этих мест.⁷

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 326, Л. 5.

² Там же. Л. 24.

³ РГИА ДВ. Ф. Р - 35. Оп. 1. Д. 151. Л.3.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р - 37. Оп. 1. Д. 326. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 6.

Еще одной значимой проблемой стала степень засоренности риса, что требовало от властей обеспечения широких мер в обеспечении посева доброкачественными семенами и создания постоянно действующих семеноводческих хозяйств. Для удовлетворения потребителей в семенном материале на сезон (по данным на 1928 г) был необходим ввоз из-за границы не менее 5000 пуд. семян риса. До указанного времени получаемая продукция риса была недостаточно обеспечена всем необходимым для его обработки.¹ Замедление темпов роста посевной площади риса объясняется, главным образом, перебоями в снабжении посевным сырьем по разумным ценам (в 1928 г. закупочная цена семян составляла 2 руб. 20 коп. за пуд.)²

С 1926 г. после оценки рентабельности культуры, изучение риса было поставлено в программу Приморской областной сельскохозяйственной опытной станции, и рисосеяние начинает распространяться не стихийно, а при помощи агротехнических действий. С 1927 г. начал работать Сантахезский опытно-мелиоративный пункт рисового совхоза «Дальрис». В 1928 г. была открыта опытная станция по изучению рисосеяния.

Ожидания в будущем ежегодного увеличения урожая риса (в 1928 г. около 4 000 000 пудов) потребовали изменения техники обработки риса, в первую очередь организации молотильных гарнитур (трактор-бичевая молотилка) и доведения их количества в крае до 50-70. К концу 20-х годов были определены места рисоочистительных заводов. В Ханкайском районе – 3 завода, с производительностью 300 000 пудов каждый. В Ивановском районе – 1 завод на 300 000 пудов с перспективой строительства Уссури-Сунгачинского канала, создания Уссурийского комбината, орошение Приханкайской низменности, что позволило бы подготовить под посевы риса около 200 000 га поливной площади.³

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 326. Л. 23 об.

² РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 480. Л. 90, 91.

³ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 326. Л. 237 об.

По форме своего хозяйства эксплуатация ирригационных систем носила двойкий характер: «Дальрис» строил свое хозяйство в форме совхозов на ирригационно обработанных землях с преобладанием экономического посева; «Пищтрест» - с преобладанием арендной системы эксплуатации. У «Пищтреста» – суходольные посевы на арендной основе. «Дальрис» использовал и арендные отношения, сдавая хуторские хозяйства, сдававшиеся в аренду.¹

Президиум Владивостокского окружного исполкома на заседании от 25 июля 1929 г. принял решение выделить рисовые заготовки из общего плана хлебаготовок и установил в качестве заготовителей «Дальсельсоюз», «Примпищтрест» и «Дальрис»². Тогда же был утвержден пятилетний план развития рисосеяния, по которому площадь посевов риса в Приморье предполагалось довести до 39 000 га, а сбор риса-сырца – до 115 000 т.

К концу 20-х годов рис, как производимая в крае товарная сельскохозяйственная культура, занял определенную нишу. Это нашло отражение и в организационном оформлении органов управления и координации налогообложения и госзакупок данной культуры: Дальневосточное отделение «Рисотреста» образовалось путем соединения различных видов рисовых хозяйств, расположенных на ирригационных системах, принадлежащих акционерному обществу «Дальрис», Приморскому «Пищтресту» и Никольск-Уссурийскому горсовету. Объединение всех этих хозяйств произошло накануне начала посевной кампании 1930 г. и посев был произведен силами отделения «Рисотреста».³

Десятилетие существования в округе рисовых посевов показало перспективность этой культуры для дальнейшего ее развития в связи с ее высокой доходностью и наличием в Приморье условий для ее произрастания. Для повышения производительности и повышения рентабельности

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 481. Л. 17.

² ГАПК. Ф. Р - 1165. Оп. 1. Д. 134. Л 2 об.

³ РГИА ДВ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 481. Л. 17.

производства риса необходимо было изменить технику обработки земли и полученного зерна при обязательном учете опыта корейского населения. Однако с 1930 г. посевные площади под рис стали сокращаются, было засеяно 15 936 га, что на 1919 га меньше, чем в 1929 г. Эта тенденция сохранялась вплоть до 1935 г. Сократился и средний сбор урожая риса, составив в 1933 г. лишь 13–14 ц с га, в то время как в 1926–1927 гг. средняя его урожайность превышала 30 ц с га. Можно считать, что это было последствием крайне высокого налогообложения, примитивной агротехники, отсутствием стимулов к высокопроизводительному труду в связи с распространением коллективизации.

В целом же по всем сельскохозяйственным культурам коэффициент изменения посевных площадей в 1929 г. по сравнению с 1928 г. в процентах выглядел следующим образом: рожь озимая уменьшилась до 77,5%; яровая до 92,8%; гречиха до 91,5%, просо – 90,6%, рис – 68%, подсолнух – 87,7%, что показало сокращение посевных площадей по данным культурам, в некоторых случаях, как видим, весьма значительное. Это было компенсировано ростом посевной площади по тем культурам, в выращивании которых было в наибольшей степени заинтересовано государство. Посевные площади в 1929 г. выросли к уровню 1928 г. под следующими культурами: пшеница – до 106,3%; овес- 103,4%; более всего по ячменю – 126,4%; по пайзе – 109,5%; кукурузе – 112,9%; бобам -105,2%; льну – 116,9%; конопле -100,2% и картофелю – 107,8%. Общее же количество посевных площадей составило 99% по сравнению с предыдущим годом.¹ Государственные интересы предопределили увеличение планов по посевам таких культур как пшеница и гречиха, что видно из таблицы, представленной ниже. Основными сельскохозяйственными культурами к 1929 г. стали пшеница - под ней было занято 55 700 га, овес – 52 400 га, и рожь 56 600 тыс. га, выйдя на первое место по объемам посевных площадей.

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 207. Л. 33.

Таблица 24

Изменение посевных площадей Владивостокского округа
с 1917 по 1930 гг., тыс. га

Годы Культуры	1917	1923	1925 .	1926 .	1927 .	1928 .	1929 .	1930 .
Рожь озимая	1,4	24,2	43,4	52,0	60,7	45,6	55,0	56,4
Рожь яровая	-	-	7,2	3,4	2,1	2,0	1,6	1,4
Пшеница	79,9	70,4	29,9	44,4	48,4	51,8	55,7	60,2
Овес	90,1	78,4	42,0	44,8	48,4	50,4	52,4	55,8
Ячмень	-	-	3,7	3,2	3,7	3,3	3,5	4,2
Гречиха	34,6	23,0	16,1	17,4	22,0	25,7	25,1	25,3
Просо	2,9	3,3	7,2	9,3	7,9	8,8	8,0	6,8
Чумиза и пайза	11,7	10,7	14,8	18,9	18,4	19,8	20,2	20,8
Кукуруза	5,8	4,8	5,5	7,1	6,0	7,8	9,3	11,0
Бобы	8,0	6,1	18,7	23,8	21,2	24,3	28,5	34,5
Рис	-	4,1	9,5	11,0	14,1	22,1	24,8	27,3
Лен	14,8	13,1	13,8	10,1	9,4	9,9	10,9	11,9
Конопля	-	-	0,8	1,0	1,3	1,1	1,2	1,7
Подсолнух	-	-	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,5
Картофель	-	-	10,8	10,8	11,0	13,0	14,2	15,8
Травы сеяные	-	-	0,2	0,4	0,3	1,0	1,5	2,8
Прочее	28,4	22,3	18,7	21,4	24,4	19,9	16,1	16,5
Итого	274,0	253,4	242,8	279,6	299,4	306,8	328,2	352,4

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 474. Л. 4.

Примечание: в 1931г. было запланировано 375,3 га посевов, в 1932 г. – 401,4 га.

Основными ржаными районами в округе стали: Михайловский – 6 790 га; Спасский - 6 490 га; Черниговский – 6 430 га; Шмаковский – 5510 га. 2-е место заняла группа районов: Ханкайский – 4 550 га; Ивановский – 3 330 га; Яковлевский – 2 780 га.¹

Ключевые установки в развитии сельского хозяйства Владивостокского округа на период 1927/28 гг. – 1932/33 гг., по продовольственным культурам ставили задачу добиться полной обеспеченности ими округа, в 1-ю очередь

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 207. Л. 6.

озимой рожью и пшеницей. Основная задача в области животноводства состояла в развитии молочного хозяйства с перенесением центра тяжести по обеспечению округа мясными продуктами на мелкое животноводство (свиньи, овцы). В соответствии с этим средняя обеспеченность хозяйства к концу 20-х годов должна была подняться ориентировочно до 1,8 - 2 голов крупного рогатого скота для старожилов и до 1 головы для переселенцев. Поголовье лошадей – ориентировочно 2 головы для старожилов и 1 голова для переселенцев.¹

По яровой ржи уже к 1929 г. удалось добиться необходимых объемов производства; гречиха, чумиза и пайза также полностью смогли удовлетворить потребительские нужды округа. В отношении технических культур удалось добиться значительных успехов: максимально выросло производство бобовых. Значительное распространение получил лен – его посевные площади увеличились и распространились на новые районы.²

За семь лет новой экономической политики изменились приоритеты в развитии сельскохозяйственных культур. Рожь стала играть одну из значительных ролей в структуре зернового производства. Доходность риса позволила распространиться этой культуре не только среди корейских хозяйств, но и занять свое место в русских хозяйствах. Возросла роль технических культур, особенно сои, хотя такие культуры как табак и подсолнечник, на которые делалась ставка в начале 20-х годов, не оправдали первоначальных ожиданий. Однако, решения основной задачи, которая ставилась перед сельским хозяйством в годы нэпа – добиться самообеспеченности края продуктами сельского хозяйства – так и не удалось достичь. Связано это было в немалой степени с объективными причинами: Приморье по климатическим показателям можно отнести к зоне экстремального земледелия, а именно во второй половине 20-х годов сельское хозяйство края в течение нескольких лет подряд подвергалось воздействию

¹ РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 474. Л. 117.

² Там же. Л. 116.

тайфунов и наводнений, что сказалось на его продуктивности. Еще большее влияние на сельскохозяйственное производство в Приморье оказала фискальная политика государства, которая привела к отходу от рыночных механизмов регулирования, свертыванию товарооборота, особенно внешнего, значимого для данной территории. Это, в свою очередь, способствовало сохранению неразвитых, устаревших форм производства и землепользования. Налоговое бремя, основной своей массой возложенное на середняка, препятствовало совершенствованию агрокультуры в этой наиболее многочисленной производственной группе. К концу 20-х годов как местные, так и центральные власти, все чаще стали использовать в осуществлении новой экономической политики политизированные рычаги воздействия, что в последствии вылилось в массовую коллективизацию.

Заключение

Дальневосточный регион России в XXI веке начинает все чаще становиться субъектом международных и мировых явлений, в том числе и происходящих в экономической сфере. Следовательно, представляется важным осмысление процессов, происходивших в регионе в различные исторические периоды, и в особенности те, когда проводились кардинальные преобразования. Значимость изменений, привнесенных в край новой экономической политикой была понятна ее современникам, которые уже в 20-е годы сделали попытки ее изучения, хотя труды этого периода носили во многих аспектах ярко выраженный политизированный характер.

Анализ имеющихся исследований и публикаций по проблеме осуществления новой экономической политики показал явную связь между процессами, происходившими в политико-экономической сфере государства с увеличением интереса к указанному периоду. Такие «всплески» можно увидеть в 60-е годы, в период «оттепели» и осуществления реформ А.Н. Косыгина, и конечно же особый пик интереса связан с кардинальными преобразованиями страны в 90-е годы.

Несмотря на исследовательский интерес ко многим проблемам нэпа на Дальнем Востоке, ряд вопросов все еще находится вне исследовательского внимания историков, прежде всего это касается изучения проблем новой экономической политики на территории, административно входящей в современный период в состав Приморского края. Исследования, касающиеся Приморья, как правило, являются фрагментарными, включенными в исследования более общих проблем или связаны с изучением края как части дальневосточного региона. Это показывает необходимость создания обобщающего труда, в котором бы нашли отражения проблемы осуществления новой экономической политики в крае в комплексе и взаимодействии.

Изучение сельского хозяйства в годы нэпа в Приморье показало, что в крае к 20-м годам одновременно с незначительным приростом населения

происходил процесс дробления хозяйств и снижения их мощности. При этом, в силу природных условий мощность хозяйств Приморья была выше, чем в других регионах, что было связано с особенностью почв и природных условий сельскохозяйственной деятельности.

Характерной особенностью Приморской деревни явилось ведение сельскохозяйственных работ двумя группами: европейским (русскими и украинцами) и азиатским населением (корейцами), которые кардинально различались техникой обработки земли, объемом посевных площадей, выращиваемыми культурами.

В течение 20-х годов произошло общее увеличение посевных площадей по Приморью, что было в первую очередь связано с притоком азиатской рабочей силы и наделением этой категории населения землей. В связи со спецификой трудовых ресурсов, в сельском хозяйстве Приморья была широко распространена аренда земли, особенно среди корейского населения. К началу 20-х годов площади арендованной земли возрастали по направлению к южным районам края, переделы земли практически не проходили и распределение земли между дворами к середине 20-х годов оставалось таким же, как и в дореволюционный период.

В Приморском крае, как и во всем дальневосточном регионе новая экономическая политика, в том числе и налоговая, начала осуществляться несколько позже и была воспринята как увеличение экономического гнета, что во многом было связано с отсутствием достаточного учета особенностей края со стороны центральных властей при определении размеров сельхозналога и налогооблагаемой базы, а именно: не учитывались нестабильные климатические условия, потребности в более высокой технической вооруженности сельского хозяйства и обеспеченности тягловой силой. Особенностью Приморья являлась значительная доля доходов от промыслов в общем комплексе доходов крестьянских хозяйств. По мере развития налоговой системы эти особенности края были учтены, что нашло отражение в дифференцированном подходе к налогообложению в конце 20-х годов.

Налоговая политика государства непосредственным образом повлияла на изменение приоритетов в развитии сельскохозяйственных культур. Рожь стала играть одну из значительных ролей в структуре зернового производства, опередив традиционные для Приморья пшеницу, овес и гречиху. Приморье отличалось выгодным разнообразием состава культур, в первую очередь за счет традиционно производимых корейским населением. Доходность риса позволила распространиться этой культуре не только среди корейских, но и занять свое место среди русских хозяйств. Десятилетие существования в округе рисовых посевов показало перспективность этой культуры для дальнейшего ее развития в связи с ее высокой доходностью и наличием в Приморье условий для ее произрастания. Возросла роль технических культур, особенно сои.

Развитие собственного производства должно было обеспечить снижение зависимости региона от завоза продовольствия, и в перспективе – ликвидацию хлебного дефицита. Однако, этих условий было недостаточно для удовлетворения всех запросов, которые предъявлялись к сельскому хозяйству как со стороны государства, так и со стороны производителей. Внутрикравевой хлебный дефицит к концу 20-х годов так и не был ликвидирован.

В настоящее время ряд аспектов новой экономической политики в Приморье остается еще недостаточно изученным. Дальнейшего рассмотрения требуют вопросы развития рынка сельскохозяйственных культур, отношения населения к изменению фискальной политики государства, развития форм кооперации, взаимодействия органов управления в осуществлении политики в деревне. Продолжающееся накопление эмпирического материала в дальнейшем позволит осуществить комплексное междисциплинарное исследование сельского хозяйства Приморья в годы нэпа.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), г. Владивосток.

Фонд Р–1. Исполнительный комитет Приморского губернского Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. г. Владивосток. 1922–1928 гг. Опись 1, дела 246, 251, 809, 832, 927.

Фонд Р–35. Статистический отдел Владивостокского окрисполкома. г. Владивосток. 1923–1930 гг. Опись 1, дела 139, 142, 151, 188, 207

Фонд Р–37. Плановая комиссия Владивостокского окрисполкома. г. Владивосток. 1926–1930 гг. Опись 1, дела 143, 326, 402, 474, 481.

Фонд Р–2413. Дальневосточный краевой исполком Советов депутатов трудящихся. г. Хабаровск. 1923–1941гг. Опись 4, дело 110

2. Государственный архив Приморского края (ГАПК), г. Владивосток.

Фонд Р–61. Вольно-Надеждинский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Владивостокского района. 1931–1940 гг. Опись 1, дело 363

Фонд Р–67. Гусево-Кравцовский сельский Совет депутатов трудящихся Владивостокского района. 1933–1937 гг. Опись 1, дело 145

Фонд Р–86. Исполнительный комитет Владивостокского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Владокрисполком). 1926–1930 гг. Опись 1, дела 1, 3, 30.

Фонд Р–1119. Исполнительный комитет Приморского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Примгубисполком). 1923–1926 гг. Опись 1, дело 2

Фонд Р–1165. Дальневосточная краевая рабоче-крестьянская инспекция (ДВК РКИ). 1922–1934 гг. Опись 1, дело 134

Фонд Р–1506. Приморское губернское земельное управление. 1922–1926 гг. Опись 1, дела 17, 38.

Опубликованные источники

1. Аникеенко, И.К. Денежный оборот крестьянских хозяйств / И.К. Аникеенко // Дальневосточное статистическое обозрение. – 1929. – № 2. – С. 40 – 44.
2. Басов, П.И. Деревня и налог / П.И. Басов // Советское Приморье. – 1925. №1-2. – С.16 – 19.
3. Басов, П.И. Единый сельскохозяйственный налог в Приморье / П.И. Басов // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – №9. – С. 32-39.
4. Брянский, А.М. Крестьянское хозяйство Дальневосточной области пореволюционный период / А.М. Брянский // Статистический бюллетень. – 1925. - №11-12. – С.1-190.
5. Гачечиладзе, А.Д. Оперативная деятельность Дальгосторга / А.Д. Гачечиладзе // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – №5. – С. 95 - 118.
6. Дальревком. Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922-1926 гг. : Сборник документов / Под ред. канд. ист. наук Н. И. Рябова – Хабаровск : Кн. изд-во, 1957. – 286 с.
7. Клепинин, Б.Н. Сельское хозяйство Приморья (Приморская и Приамурская губернии) / Б.Н. Клепинин // Экономическая жизнь Приморья. – 1923. – №1-2. – С. 16 -23.
8. Коровин, А.Г. Очерк заселения Приморья / А.Г. Коровин // Приморье, его природа и хозяйство. Сб. статей, составленный научно-просветительной секцией Приморского Губернского выставочного Бюро. – Владивосток: Иосиф Корот, т-во Свободная Россия, 1923. С. – 156 - 173.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях (1898 - 1954): в 4 томах. 7-е изд. Т. 3– М.: Госполитиздат, 1953 – 691 с.

10. Кремянский, С.Е. Национальный состав сельского населения Приморской губернии / С.Е. Кремянский // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – № 4. – С. 1 -84.
11. Кремянский, С.Е. О чем говорят предварительные итоги сельскохозяйственной переписи / С.Е. Кремянский // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – № 2. – С. 1-19.
12. Кремянский, С.Е. Промысловость сельского населения Приморской губернии / С.Е. Кремянский // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – №8. – С. 1 - 11.
13. Люди и порядки за Уралом. Т. 1 // Азиатская Россия. В 3 т. Т. 1-3. – СПб.: Изд. переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. – 576 с.
14. Нечаев, А.И. Кооперация в Приморской губернии / А.И. Нечаев // Приморье, его природа и хозяйство. Сб. статей, составленный научно-просветительной секцией Приморского Губернского выставочного Бюро. – Владивосток: Иосиф Корот, т-во Свободная Россия, 1923. – С. 320 -332.
15. Основные элементы сельского хозяйства Приморья как районообразующие признаки. (Из материалов Губплана по районированию Приморья, разработанных В.А. Шпаковским) // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – №10. – С. 1 - 100.
16. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Управление Делами Совета Народных комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Оборона. – М., 1925. – № 35.
17. Соловьев, Д.И. Обзор поступления налогов и доходов по Приморской губернии за январь – сентябрь 1922 г. / Д. И. Соловьев // Экономическая жизнь Приморья. – 1924. – №1. – С. 36 – 56.
18. Чарнецкий, Л.Б. Возделывание риса в Приморье / Л.Б. Чарнецкий // Приморье. Его природа и хозяйство. Сборник статей, составленный научно-

просветительной секцией Приморского Губернского выставочного Бюро. – Владивосток: Иосиф Короть; Т-во Свободная Россия, 1923. – С. 104 – 123.

19. Чебоксаров, Н.И. Основные элементы хозяйственного баланса Приморья (Первый ориентировочный баланс) // Экономическая жизнь Приморья. –1924. –№ 2. – С. 20 -48.

Исследования

1. Авдеева, Н.А. К вопросу об экономической политике правительства Дальневосточной республики (1920 -1922 гг.) / Н.А. Авдеева // Тезисы докладов и сообщений II научной конференции по истории, археологии, этнографии Дальнего Востока, г. Владивосток, 21–25 июня 1960 г. – Владивосток, 1960. – С. 45-47.

2. Аргудяева, Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России / Ю.В. Аргудяева. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 365 с.

3. Барбенко, Я. А. Отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – первой трети XX вв. / Я.А. Барбенко – Ойкумена. – 2008. № 3. – С 17 – 23. – URL: <http://www.ojkum.ru>. Дата обращения: 13. 04. 2018.

4. Волошина, Л.И. Классовая направленность налоговой политики Советской власти в деревне Дальнего Востока в период восстановления народного хозяйства / Л.И. Волошина // Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период) / Под общ. ред. А.И. Крушанова. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1984. – С. 3 – 14.

5. Галлямова, Л.И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии / Л.И. Галлямова // Россия и АТР. – 2012. – № 3. – С. 55-71.

6. Галлямова, Л.И. Российский Дальний Восток в контексте новейшей отечественной историографии: картина последних лет / Л.И. Галлямова // Россия и АТР. – 2006. - № 2. с. 103-133.

7. Головин, С. А. Особенности политического развития Приамурья и Приморья в 20–30-е годы XX века / С.А. Головин // Матер. междунар. науч.–практ. конф., посвящ. 110-летию Амур. обл. краев. музея им. Г. С. Новикова-Даурского. – Благовещенск, 2001. – С. 110 – 113.

8. Головин, С. А. Особенности социальной структуры населения на Дальнем Востоке России в первые годы восстановления советской власти после гражданской войны и интервенции (1923–1925 гг.) / С.А. Головин // Объединенный научный журнал. – 2003. – № 3. – С. 22–27.

9. Головин, С. А. Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е гг. XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. № 2 (10). – С. 118–129.

10. Головин, С. А. Рассказывание на Амуре (1917–1930-е годы) / С.А. Головин // Ученые записки БГПУ. Т. 21. Гуманитарные науки.: В 2-х частях / Под общ. ред. О.Н. Бархатовой, А.В. Баранова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. Ч. 1. – С. 146–166.

11. Громов, М.П. Сельское хозяйство в ДВК в 1928 г. / М.П. Громов // Дальневосточное статистическое обозрение. – 1929. № 2. – С. 16 – 29.

12. Гущин, Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.) / Н.Я. Гущин – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973 – 518 с.

13. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – М.: Наука, 1977. – 318 с.

14. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения / В.П. Данилов. – М.: Наука, 1979. – 359 с.

15. Дмитренко, В.П. Четыре измерения НЭПа / В.П. Дмитренко // Вопросы истории КПСС. – 1991. №3. – С.125-132.

16. Иващенко, В. К. Потребительская кооперация Дальнего Востока в дореволюционный период (1898-1917), В.К. Иващенко // Очерки потребительской кооперации Дальнего Востока / Под науч. ред. В.К.

Ивашенко – Новосибирск: Ротапринт Новосиб. инст. сов. кооп. торговли, 1969. – С. 5-27.

17. История Дальнего востока. (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней). Библиографический указатель. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980 – 243 с.

18. История дальневосточной деревни (1861-1975 гг.) / А.И. Крушанов, А.П. Деревянко - Кн. 1. – Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1979. – 149 с.

19. История Дальнего Востока СССР. Кн. 7. Советский Дальний Восток в период восстановления и реконструкции народного хозяйства, победы социализма в СССР (ноябрь 1922-1937) / А.В. Больбух и др.; под ред. А.И. Крушанова. – Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1977. – 292 с.

20. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.: Очерки истории / в соавт; под ред. Э.М. Шагина; под общ. ред. Крушанова А.И. – Владивосток: изд-во Дальневосточного университета, 1991. – 416 с.

21. Крушанов А.И. Переход от гражданской войны к мирному социалистическому строительству В Приморье (октябрь 1922-1923 гг.) // Дальний Восток за 40 лет Советской власти. – Комсомольск-на-Амуре. 1958. – 334 с.

22. Лаврик Л.А. Политические настроения дальневосточного крестьянства в годы новой экономической политики, 1922-1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 02. – СПб., 1995. – 195 с.

23. Лыкова, Е.А. Землепользование и землеустройство в Амурской деревне в 1922 – 1924 гг. / Е.А. Лыкова // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. – Т. 101. Владивосток: ДВГУ, 1975. – С. 37 – 43.

24. Лыкова Е.А. Землеустройство в дальневосточной деревне (1923-1926 гг.) с. 84-90 / Е.А. Лыкова // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX – XX вв.) / Под общей редакцией Крушанова А.И. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. – 142 с.

25. Лыкова, Е.А. К вопросу о проведении землеустройства в дальневосточной деревне (1923 -1925 гг.) / Е.А. Лыкова // Ученые записки. – Т. 82. Серия историческая. – Владивосток: ДВГУ, 1973. – С 130 – 134.

26. Лыкова, Е. А. «Корейский вопрос» в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы / Е.А. Лыкова // Известия Восточного института. – 2016. №1 (29). – С 26 -32.

27. Лыкова, Е.А. Политические настроения крестьян приморской деревни в 20-е годы XX в. / Лыкова Е.А. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. – Ч. 1: сб. тр. Ин-та истории и философии ДВГУ. – Владивосток. – 2003. – С. 341-345.

28. Лыкова Е.А. Развитие коллективных форм землепользования в дальневосточной деревне в период непосредственной подготовки коллективизации. (1927-1929гг.). / Е.А. Лыкова //Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период) / Под общ. ред. А.И. Крушанова – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. – 116 с.

29. Мотрич, Е.Л. Демографическое развитие Дальнего Востока: прошлое, настоящее и будущее // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.1. Экономические и социально-демографические проблемы. – Благовещенск: АмГУ, 2000. – С. 151-157.

30. Нечаев, Е. И. Потребительская кооперация в период борьбы за победу социализма в СССР (1926-1940 гг.) / Е.И. Нечаев // Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока – Новосибирск: Ин-т советской кооп. торговли, 1969. – С. 72-112.

31. НЭП: приобретения и потери / Дэвис Р.У., Дмитриенко В.П., Мау В.А. и др. – М.: Наука, 1994. – 217 с.

32. Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922 – 1985 гг.). Сб. науч. трудов. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – 138 с.

33. Орлов, И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы / И.Б. Орлов // Отечественная история. –1999. – № 1. – С. 102-116.

34. Пастушенко, Л.И. Переселение на Дальний Восток (1925 -1935 гг.) // Тезисы докладов и сообщений II научной конференции по истории, археологии, этнографии Дальнего Востока, г. Владивосток, 21–25 июня 1960 г. – Владивосток, 1960. – С.19-20.

35. Проскурина Л. И. Деревня двадцатых... Аграрная история Дальнего Востока России в 20 – 30-е годы: дискуссионные проблемы / Л.И. Проскурина // Россия и АТР. –1995 – № 3. – С. 55 – 82.

36. Проскурина, Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: Коллективизация и ее последствия / Л.И. Проскурина, Е.А. Лыкова. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 188 с.

37. Саначёв, И. Д. Новая экономическая политика на Дальнем Востоке. 1922 – 1925 гг. / И.Д. Саначёв. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1993. – 180 с.

38. Сон, Ж.Г. Российские корейцы в 1920-1930-е годы как трудовой ресурс: региональный аспект управления / Ж.Г. Сон // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации». 9-я международная конференция. 25-27 мая 2011 г. Ч. 2. – М.: Изд-во Московского университета, 2011. – С. 496-503.

39. Стасюкевич, С. М. Деньги для крестьянства: сельскохозяйственный кредит на Дальнем Востоке в условиях нэпа/ С.М. Стасюкевич // Новый исторический вестник. – 2014. № 4 (42). – С. 63 – 75.

40. Стасюкевич, С. М. Земельная политика советской власти и землеустройство на Дальнем Востоке в 1920-х гг. / С.М. Стасюкевич // Ойкумена. – 2017. № 1. – С.90–102. – URL: <http://www.ojkum.ru>. Дата обращения: 24. 03 2018.

41. Стасюкевич, С. М. Изучение аграрного рынка периода новой экономической политики в современной российской и дальневосточной

историографии / С.М. Стасюкевич // Вестник Томского университета. – 2008. – №. 12 (317). – С. 119 -122.

42. Стасюкевич, С. М. Кооперация на Дальнем Востоке в 1920-1922 гг. и политическая борьба вокруг нее / С.М. Стасюкевич // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – С. 80-83.

43. Стасюкевич, С. М. Политика и экономика в общественном сознании дальневосточного крестьянства 1920-х годов / С.М. Стасюкевич // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 5. – С.64 – 71.

44. Стасюкевич, С.М. Проблема голода и налоговая политика советской власти в дальневосточной деревне в 1922–1925 гг. / С.М. Стасюкевич // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – №2 (42). – С. 171 – 178.

45. Стасюкевич, С.М. Продовольственная политика советского государства на Дальнем Востоке в 1922–1928 гг. / С.М. Стасюкевич // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 17 – 21.

46. Стасюкевич, С.М. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. на Дальнем Востоке / С.М. Стасюкевич // Российская история. – 2016. – №1. – С.98-115.

47. Стасюкевич, С.М. «Чистки» хлебозаготовительного аппарата на советском Дальнем Востоке в конце 1920-х годов / С.М. Стасюкевич // Новый исторический вестник. – 2015. – №. 2 (44). – С. 89 -102.

48. Ткачёва, Г. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20 – 30-е гг. XX в. / Г.А. Ткачева. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 2000. – 111 с.

49. Фетисов, А.П. Деятельность Советов Северо-Востока по обеспечению кооперирования хозяйств малых народностей (1925- 1928 гг.) А.П. Фетисов // Организационно-хозяйственная деятельность местных Советов на Дальнем Востоке (1922 – 1985 гг.). Сб. науч. трудов. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. – С.22 –33.

50. Черепинская, Е.А. К вопросу о проведении посевной кампании на Амуре весной 1923 г. / Е.А. Черепинская // Материалы XIV научной конференции ДВГУ (серия общественных наук), г. Владивосток, 11–13 октября 1969 г. – Владивосток: б.и., 1970. – С.57– 60.

51. Чернолуцкая, Е. Н. Противоречивость миграционной политики на Дальнем Востоке СССР в 20–30-е годы (на примере Приморья) / Е.Н. Чернолуцкая // Исторический опыт освоения восточных районов России: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Кн.2, г. Владивосток, 20 – 22 сентября 1993 г. – Владивосток: б.и., 1993. – С. 89 – 92.

52. Шикалов, А.С. Потребительская кооперация в период Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства (1917-1925 гг.) / А.С. Шикалов / Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока – Новосибирск: Ин-т советской кооп. торговли, 1969. – С. 29 – 45.

53. Шиндялов, Н.А. О классовой структуре амурского крестьянства (1922-1926 гг.) Н.А. Шиндялов // Вопросы истории Советского Дальнего Востока. Кн. 1. – Владивосток, АН СССР ДВНЦ. 1963. – С. 132-138.

54. Шишко, Н.П. Борьба партийной организации за подготовку и проведение коллективизации сельского хозяйства Приморья (октябрь 1922 – 1933 гг.) / Н.П. Шишко // Вторая научная конференция по истории, археологии, этнографии Дальнего Востока. (Тезисы докл. и сообщ.) г. Владивосток, 10-19 марта 1960 г. – Владивосток: Дальневосточный филиал СО АН СССР, 1960. – С.16-17.

55. Шпаков, В.О. Власть и крестьянство на Северном Кавказе в годы новой экономической политики (1921 – 1928 гг.) / В.О. Шпаков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 65-70.

56. Щагин, Э.М. Дальневосточная деревня в 1917 году (февраль – октябрь) / Э.М. Щагин // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период) / Под общ. ред. А.И. Крушанова. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. – С. 3-21.

Диссертации и авторефераты диссертаций

57. Безгин, С. В. Осуществление новой экономической политики в промышленности на советском Дальнем Востоке в 1922-1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02 – Хабаровск, 2010. – 202 с.

58. Берестенникова, Е. А. Государственная политика в сфере кооперации на Дальнем Востоке России : Октябрь 1917-1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Хабаровск, 2004. – 243 с.

59. Денисевич, Е. И. Финансовая политика советского государства на Дальнем Востоке России: 1922-1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Владивосток, 2007. – 232 с.

60. Караман В. Н. Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Владивосток, 2009. – 267 с.

61. Лыкова, Е.А. Земельная политика Советского государства на Дальнем Востоке, октябрь 1917 – 1929 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Владивосток, 1981. – 219 с.

62. Цуканов, С.С. Деятельность Дальревкома по советизации и восстановлению народного хозяйства Дальнего Востока : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02. – Хабаровск, 2011. – 260 с.

63. Шестак, О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922 – 1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Владивосток, 2004. – 184 с.

Научно-справочные издания

1. Библиографический указатель работ по истории археологии и этнографии Дальнего Востока. Вып. 1. Труды сотрудников отдела истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока дальневосточного научного центра АН СССР 1954 -1970 гг. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1971. – 135 с.

2. Научные труды профессорско–преподавательского состава и сотрудников Дальневосточного государственного университета. Библиографический указатель. Вып. 1. – Владивосток, ДВГУ. 1976. – 227 с.

Приложение
Таблица 1

Товарные заготовки по зерновым культурам с 1925 по 1929гг.

Культуры	1925 - 1926 гг. Закупки			1927 – 1927 гг. Закупки			1927 – 1928 гг. Закупки			1928 – 1929 гг. Закупки		
	Гос-ные	Частные	Всего									
Рожь	63 660	4 460	68 120	73 060	2 120	75 180	141 880	2 630	144 510	70 000	-	70 000
Пшеница	7 430	450	7 340	12 780	610	13 390	38 230	650	38 910	50 000	2 000	52 000
Гречиха	10 520	1 260	11 780	10 960	5 740	16 700	6 160	3 750	9 910	11 050	5 100	16 150
Овес	4 730	21 460	26 190	5 030	8 530	13 550	53 860	7 840	61 700	110 000	21 500	131 500
Ячмень	320	1 140	1 460	420	520	940	2 720	600	3 320	4 000	1 200	5 200
Просо	16 160	1 440	17 600	6 900	14 950	21 850	680	2 400	3 080	2 000	900	2 900
Чумиза, пайза	4 420	3 580	8 000	2 500	13 000	15 500	2 880	8 120	11 000	3 000	10 000	13 000
Кукуруза	10 180	4 790	14 970	12 240	2 750	14 990	170	4 100	4 270			
Рис	91 860	35 690	128 550	161 930	28 420	190 350	263 350	9 620	272 970	350 000	10 000	360 000
Итого зерновых	209 340	75 270	284 610	285 820	76 460	362 460	509 930	39 740	549 670	622 000	57 700	679 750

РГИА ДВ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 480. Л.35, 35 А.

Приложение

Таблица 2

Производство и заготовки основных зерновых культур в 1925 – 1929 гг.

Культуры	1925 - 1926		1927 – 1927		1927 – 1928		1928 – 1929 гг.		1925-1929	
	Валовый продукт, пуд.	% заготовок к валовому продукту	Валовый продукт, пуд.	% заготовок к валовому продукту	Валовый продукт, пуд.	% заготовок к валовому продукту	Валовый продукт, пуд.	% заготовок к валовому продукту	Валовый продукт, пуд.	% заготовок к валовому продукту
Рожь	494 950	13,8	512 066	17,0	525 560	27,5	306 690	22,8	459 816	20,3
Пшеница	198 350	4,0	221 042	6,1	342 240	11,4	400 830	13,0	290 615	8,6
Гречиха	101 430	11,6	103 233	13,3	115 100	8,6	129 950	12,4	112 425	11,5
Овес	237 600	11,0	345 009	4,8	522 590	11,6	674 680	19,5	444 969	11,8
Ячмень	23 940	6,1	22 890	4,8	21 740	15,3	32 230	16,1	25 200	30,2
Просо	61 430	28,6	62 078	19,9	57 260	5,4	55 380	5,2	59 037	14,7
Чумиза, пайза	211 280	28,28	213 345	5,8	210 600	5,2	233 580	5,6	217 201	11,2
Кукуруза	58 180	25,7	61 176	16,3	68 340	6,2	31 890	31,6	54 896	19,5
Рис	231 130	55,6	287 297	61,4	384 610	71,0	489 210	73,6	348 061	65,4
Всего зерновых	1 618 350	17,6	1 967 287	19,4	2 248 040	24,4	2 414 430	28,2	2 062 027	2,4

Составлено по: РГИА ДВ. Ф. Р- 37. Оп. 1. Д. 480. Л. 36.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»
(ДВФУ)

ШКОЛА ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Департамент истории и археологии

ОТЗЫВ РУКОВОДИТЕЛЯ ВКР

на выпускную квалификационную работу студентки) Кулинич Анны Сергеевны
Направление подготовки 46.04.01 «ИСТОРИЯ» магистерская программа «История
российского Дальнего Востока и историографические аспекты ее изучения»
на тему: *Сельское хозяйство Приморья в годы нэп: проблемы историографии и истории*
Группа М4202

Руководитель ВКР доктор исторических наук, профессор Н.А. Беляева

На тему «*Столыпинская аграрная реформа в периодической печати Дальнего Востока
России в начале XX в.*»

Дата защиты ВКР «3» июля 2018 г.

Выпускная квалификационная работа А.С. Кулинич посвящена актуальной проблеме отечественной исторической науки – развитию сельского хозяйства Приморья в период новой экономической политики. Автор увлеченно работал над темой, показав высокий уровень сформированности профессиональных компетенций, умение ориентироваться в массиве историографической информации, владение методами источникового анализа. Работа выполнена на региональном материале, является самостоятельным научным исследованием и обладает элементами новизны. Эта новизна появилась в самой постановке проблемы, поскольку развитие сельского хозяйства на территории современного Приморского края в годы нэп - мало изученная в отечественной историографии тема.

В процессе подготовки ВКР была сформирована оригинальная источниковая база исследования, представленная в основном архивными документами. Это позволило проанализировать факторы развития сельскохозяйственного производства; показать налоговую политику как важное направление государственного регулирования в условиях нэп; определить изменения в структуре зернового хозяйства.

На всех этапах работы над ВКР А.С. Кулинич показывала себя как увлеченный и компетентный исследователь. Представленный ею текст ВКР соответствует современным требованиям к квалификационным работам обучающихся по программам подготовки магистров, он обладает высоким уровнем оригинальности, и может быть оценен оценкой ОТЛИЧНО.

Оригинальность текста ВКР составляет 89%

Руководитель ВКР д.и.н., профессор
(уч. степень, уч. звание)

(подпись)

Беляева Н.А.
(и.о. фамилия)

«25» июля 2018